

Мёртвая вода

Автор:

[Инна Тронина](#)

Мёртвая вода

Инна Тронина

Время перемен #1

Во время октябрьских событий 1993 года погибает семья молодого гениального химика Бориса Доби́на. Обезумев от горя, Борис принимает страшное решение – отравить московский водопровод и тем самым уничтожить город, а потом покончить с собой. Такие возможности у него есть. Только что Добину удалось выделить килограмм чистого вещества, которое оказалось в пятьсот раз сильнее цианистого калия. Супер-яд синтезировался химиком по заказу одной из столичных ОПГ. Перед тем, как приступить к исполнению жутких планов, Борис написал прощальное письмо своему другу Олегу Величко. Случилось так, что в самый разгар боёв близ Дома Советов Олег познакомился с французской журналисткой Франсуазой де Боньер. Её муж, бывший майор милиции Андрей Озирский, в это время находился в расстреливаемом из танков здании Парламента. Он принимал активное участие в октябрьских событиях на стороне Верховного Совета. Когда «Белый Дом» пал, группа Озирского по подземным коммуникациям вышла из окружения. Встретившись с женой и её новым знакомым, Андрей узнал, какая колоссальная опасность угрожает столице. И, несмотря на то, что сам тяжело переживал горечь поражения, он решил остановить отчаявшегося мстителя...

Инна Тронина

МЁРТВАЯ ВОДА

ГЛАВА 1

– Юлька, Юлька, немедленно уходи отсюда! Я тебе что сказал? Сиди в ванной и не смей по квартире шастать!

Борис Добин выглянул из-за платяного шкафа и отчаянно замахал руками на дочку, которая с любопытством заглянула в комнату. Его друг Олег Величко сидел на паркетном полу за креслом и непрерывно курил, зажигая сигареты одну от другой. Борис от него не отставал – благо, и без того квартира стала грязной. Внизу, во дворе, что-то горело, и дым валил прямо в разбитое окно. На ковре отчётливо отпечатались известковые следы – рано утром сюда наведались солдаты с офицером. Они искали боевиков из «Белого Дома», но никого не обнаружили и ушли. Больше всего Борис боялся, что служивые вернуться.

Несмотря на то, что друзья курили «Мальборо», «Винстон» и «Кент», в комнате воняло только соляжкой и дымом. Казалось, что среди дня наступили сумерки – небо, дома, деревья покрылись чёрным, жирным налётом. Совсем рядом, под ярким, не по-осеннему тёплым солнцем, горело белоснежное мраморное здание – шикарная «высотка», знаменитая на весь мир. С самого утра танки били прямой наводкой по Дому Советов Российской Федерации. Остановившиеся стрелки на башне показывали десять часов три минуты, хотя давно уже перевалило за полдень.

– Пап, мне там страшно! – заныла Юлька, уцепившись за дверную ручку. – Можно, я с тобой посижу? Если хочешь, приползу на четвереньках...

Восьмилетняя девчонка между делом лакомила «Мамбой», толкала туда-сюда дверь и вообще чувствовала себя на вершине блаженства. Вокруг творилось что-то очень интересное, новое, никогда раньше не виданное. Кроме того, школьников распустили по домам до нормализации обстановки, что само по себе их сильно обрадовало.

Проглотив сладкое лакомство, Юля улеглась на живот и по-пластунски поползла к перепуганному отцу. Олег же не считал себя вправе гнать вон из комнаты чужого ребёнка – пусть даже дочь лучшего друга. Сам Борис настолько не привык стеснять своё чадо, что даже сейчас махнул рукой, соглашаясь с Юлькой. Олег давно замечал, что дочка уже давно вертит Бобом, как хочет.

Сейчас Юлька, конечно же, играла в войну. Она приподнялась над ковром кудрявую растрёпанную головку, весело взглянула сначала на отца, потом – на Олега Павловича. Тот погрозил егосте пальцем, в очередной раз, делая глубочайшую затяжку. Он думал о том, что творится с матерью, которая сейчас осталась одна, в квартире на Новом Арбате. А ведь там слышна вся эта канонада; да во дворах, наверное, стреляют. Как бы у мамы сердце не прихватило – сейчас даже и врача сюда не вызовешь...

Октябрьское солнце светило Юльке в глаза. Они оказались не карими, как думал Олег, а густо-зелёными. Где-то в глубине зрачков Юльки дрожали крохотные золотые точки.

– Пап, Олег Павлович, смотрите, я правильно ползу? Физрук говорит, что я неуклюжая. Но ведь это же ерунда, правда?

И Юля принялась самозабвенно изображать то ли партизанку, то ли диверсантку, лавируя между опрокинутыми стульями и брошенными на пол подушками. Когда обстрел только начался, мать Бориса Дебора Самсоновна попыталась загородить окна, да так всё и бросила. Шкаф, за которым сидел Борис, тоже сдвинули с места, но до окна не дотащили – он был слишком тяжёл. Конечно, часть оконного проёма шкаф закрывал – где-то на треть. А дальше не прошёл – мешал толстый ковёр; кроме того, его короткие ножки цеплялись за неровности на паркете.

Мебель морёного дуба была памятью о бабушке и дедушке Бориса. Этих родственников он то ли вообще никогда не видел, то ли помнил очень смутно. Дебора Самсоновна отказалась от своих намерений и решила, что оно к лучшему. Мало ли, что ещё случится во дворе, и, чего доброго, пострадает дорогая ей мебель.

– Я тебе что сказал?!

Борис всё-таки решил призвать дочь к порядку. Он не привык кричать на Юльку, и получалось это у него очень смешно. В новой роли Добин нервничал, то и дело сбиваясь на фальцет.

– Марш обратно в ванную! Сиди там с мамой и бабушкой, от греха подальше. Тебя тут только не хватало! В ванной не страшно, страшно здесь. Знаешь, что по

крышам снайперы ходят? Увидят, что ты здесь ползаешь, и пристрелят за милую душу. Тебе оно надо?

- Не надо! - Юлька откровенно не верила отцу.

Авторитетом Борис у неё не пользовался. Свою мать, Изабеллу, девчонка боялась куда больше. Бабушка же всё чаще раздражала её своей воркотнёй. Прикинув так и этак, она упрямо поползла к окну.

- Я хочу быть с тобой, понимаешь? Если здесь опасно, пойдём к нам. Между прочим, мама боится, что вы в комнате. Олег Павлович, а Татьяна Васильевна сейчас дома?

- Не знаю, - честно признался Величко. - Может, на работе. Впрочем, многих сегодня отправили по домам. Я не могу с ней созвониться - телефоны-то не работают. Чёрт, совсем дышать нечем! Интересно, это покрышки жгут, или «Белый Дом» так коптит? Юля, можешь сесть рядом со мной. Только не резвись очень - здесь всё серьёзно.

- Хорошо, я тихонько посижу. - Спорить с гостем Юлька всё-таки не решалась.

Она показала смущённому отцу язык и устроилась под боком у Олега. Подобрал под себя маленькие ноги в линялых джинсах, втянув голову в ворот пёстрого турецкого свитера, девочка о чём-то задумалась. Но молчание ей быстро наскучило, и Юля снова начала болтать.

- Пап, а завтра будут стрелять? Я не хочу в школу идти. Вот бы всю неделю так...

- Ты что, с ума сошла?! - возмутился Борис. - Всего несколько часов прошло, а я уже поседел, наверное. А о маме, о бабушке ты подумала? Лишь бы в школу не ходить, а тут гори всё ярким пламенем - в самом прямом смысле. У нас даже продуктов почти нет в холодильнике. Что кушать будем? Как вообще жить в таких условиях? Ты понимаешь, что это - гражданская война?

- Да ну тебя, пап! На гражданской войне лошади скачут, - авторитетно возразила Юля.

Борис хотел что-то возразить, но в это время за окном сильно грохнуло. Юля, обхватив Олега за плечи, уткнулась лбом ему в грудь. С потолка посыпалась извёстка. Борис страдальчески поморщился, отчаявшись выгнать дочку обратно в ванную.

Юля, отрезвлённая грохотом, внезапно стала серьёзной. Теперь её глаза казались почти чёрными.

– В ванной очень душно. Там уже батарея греет. И бабушке плохо. Она хочет в спальню пойти... Олег Павлович, а это всё долго будет? – Юле уже не очень хотелось неделю сидеть дома без еды и прочих радостей жизни.

– Не знаю, – честно признался Олег. – И никто не знает.

Он то и дело посматривал на ручные часы, проклиная себя за то, что не остался с матерью. Вчера пообещал её подвезти в понедельник, что в мирное время было легче лёгкого. Отсюда ходу – минут десять, нога за ногу. Но сейчас между Рочдельской улицей, где жил Борис, и Новым Арбатом оказалось поле боя.

Снова слышались выстрелы, и Юля шёпотом спросила у Олега:

– Это автоматы?

– Нет, БМП[1 - БМП – боевая машина пехоты.] из «Шилок» лупят, – рассеянно ответил Величко.

– Откуда ты знаешь? – нервно спросил Борис.

– На военных сборах слышал.

Борис хотел перебраться поближе к другу и к дочери. Но, не успел он сделать и двух шагов, как оконное стекло треснуло. Сверкающие на солнце осколки усеяли ковёр. С Юлькиной полки свалилась икебана из ярких осенних листьев и травы. Вчера, когда сняли оцепление у «Белого Дома», местные жители очень радовались. Им надоело жить, будто в осаде, и всё время показывать военным документы. Взрослые бросились по магазинам, а дети допоздна играли во дворе.

И вот теперь, с утра, все забились в квартиры. А от вчерашнего праздника свободы осталась частичка необычно красивой в этом году осени. И совсем рядом, на родных, знакомых улицах – стрельба, дым, грохот...

– Папа! – закричала Юля. – Не шевелись! Ты живой?

– Живой покуда. Успокойся. – Борис вернулся обратно за шкаф.

– Чего они стреляют? – капризно спросила Юля.

– На всякий случай, – хмуро сказал Олег. – Во всё, что движется.

– Юлька, немедленно марш в ванную! – истошно закричал Борис. – Пусть жарко и душно, зато в безопасности.

На набережной грохнул танк, и это запрыгало между пресненскими домами. Крупнокалиберные пули, словно град, зацокали по кирпичным стенам. Совсем рядом, во дворе, надрывно рычали БТРы, и громко матерились солдаты. Похоже, что им тоже было не по себе, и везде мерещились снайперы. В то, что каски и жилеты спасут их от пуль, парни не очень-то верили.

– По-моему, уже двухсотмиллиметровки в ход пошли, – на слух определил Величко. – Если в этом духе продолжится, весь квартал разнесут. И вообще, не понимаю, зачем стрелять во дворах...

– И наш дом тоже разрушат? – испугалась Юлька. Она смотрела исподлобья, словно Олег и был во всём виноват.

Тот смахнул извёстку с кудряшек девчонки.

– Будем надеяться, что ваш дом устроит. Только всё-таки тебе надо перейти в ванную, – строго сказал Олег.

– Только вместе с вами и папой! – жёстко поставила условие Юля.

– Ладно, всем надо сваливать, – решил Борис. – А то прикончат за просто так...

Но вновь выйти не удалось, потому что дом содрогнулся, потом подпрыгнул. Длинной очередью разбили ближайший к окнам Добинных уличный фонарь, который сейчас не горел. Юля смотрела на тёплые солнечные квадраты, которые, как всегда, лежали на стене и на полу. Для этого времени на улице было даже жарко. Юле очень хотелось погулять во дворе, хотя бы выйти на балкон. Но об этом не стоило и думать. Конечно, мальчишки наберут гильз и осколков, а потом будут хвастаться. Не у всех родители дома. А, значит, можно и удрать из квартиры, посмотреть из кустов, что там происходит.

– Олег Павлович, а это тяжёлый танк стреляет или лёгкий? – Юля уже успела овладеть военной терминологией.

– Тяжёлый. – Величко пальцами пригладил пшеничные усы. Его серый американский костюм теперь нуждался в тщательной чистке. А пёстрый шёлковый галстук превратился в тряпку. – По-моему, это Т-72. А тебе какая разница?

Олег немного отстранил от себя девочку, заглянул ей в лицо. Надо же – копия Борька, только без бороды. Какое это, наверное, счастье – видеть в ребёнке свои черты! Он никогда не говорил об этом с Борисом, чтобы не беречь душу. Да и не поможешь делу переживаниями. Что случилось – то случилось.

– Боб, действительно надо всем уходить, – решил Величко. – Всё-таки хочется в такой ситуации хотя бы пистолет иметь. Как ты считаешь? Или ручной пулемёт – ещё лучше. Когда тебя в твоей же квартире расстреливают, трудно сохранять трезвую голову и любовь к людям.

– Что бы я ни думал, оружие нам не достать, – заметил Добин. – Да и попадёшься с ним – сразу к стенке поставят, без всякого суда. Одного не понимаю – зачем по жилому дому стрелять? Снайперы, что ли, на чердак забрались?

Олег опять сравнил отца с дочерью. Борис и Юля даже одеты были одинаково – в пёстрые свитера, мятые джинсы и войлочные домашние тапки.

– Похоже, так. Слышишь, кто-то наверху ходит? – Величко поднял палец. – И, даже, похоже, не один человек...

– Пап, давай скорее! – окончательно испугалась Юля, которая тоже услышала шаги. – Чего ты так медленно ползёшь?

– Как могу, так и ползу. Не забывай, что мне не восемь лет, – огрызнулся Борис.

Олег толкнул дверь в коридор, и все трое выскочили из комнаты. В это время гроыхнуло так, что посыпались остатки стёкол из первых рам. Кое-где, зверя и сверкая, дрожали острые осколки. Сквозь бензиновую и дымную вонь вдруг прорвался запах парка «Красная Пресня». Чистый ветер принёс запах опавшей листвы, от которого у Олега на глаза навернулись слёзы. Зашуршали газеты, сложенные на журнальном столике. Приколотые к обоям Юлькины картинки, её тетрадки на письменном столе затрепетали, и несколько наклеек сорвалось.

– А танки чем стреляют? – деловито спросила Юля. – Болванками, да? Или чушками?...

– Эх ты, чушка! – Величко легонько щёлкнул её по носу. – Откуда я знаю? Может ли от болванок такой пожар случится, вот вопрос. Иди в ванную, и сиди там до упора.

– Почему до упора? – поморщилась Юлька.

– По кочану, – рассердился Борис. – Всё-таки я тебя побью. Первый раз в жизни побью! – пригрозил Добин.

Но, вместо этого, он вдруг крепко стиснул дочку в объятиях, поцеловал в макушку. Малолетний деспот торжествующе взглянул на Олега.

– Не побьёт! Всегда грозит, за потом только целует. – Юля иронично улыбнулась. – Олег Павлович, а Руслана тоже сегодня из школы отпустили?

– Не знаю. У нас, на «Войковской», наверное, и нет ничего. Но, может, он под шумок и сбежит. Боюсь, как бы его сюда не понесло. Он на эти дела обожает смотреть. И хитрец такой – всегда бегаёт рядом с взрослыми – как будто они вместе. А сам уже вовсю один по городу ездит. Татьяне вообще всё по барабану...

Олег, уже в третий раз, сравнил отца с дочерью – таких друг другу родных, любящих, несмотря ни на что, счастливых.

– Похоже, до химических зарядов дело дошло? – Добин принялся и тут же закрыл платком Юлькину физиономию. – Похоже, что так. Хорошо, мы из комнаты ушли. Смочим платки, полотенца и будем через них дышать.

– Ты – химик, тебе виднее.

Олегу совершенно не понравилось то, что в ход пошли химические заряды. Мать и так на бывшем Калининском проспекте трясётся со страху, а тут такое дело. После смерти мужа ещё не оправилась, недавно вернулась из санатория. Папа утешил бы её. Он был спокойный, основательный мужик – любые вопросы решал сходу. Татьяне бы к свекрови приехать, так нет! Да и мать вряд ли обрадовалась бы. Даже в таких обстоятельствах они не могут ничего простить друг дружке. Вернее, сейчас положение ещё более обострилось. Для кого-то это конституционный кризис, мятеж, восстание, беспорядки. А для семьи Величко – кроме прочего, продолжение личной драмы...

Они уже дошли до ванной, когда в комнате под потолком будто бы взорвалась люстра. Битый в крошево хрусталь посыпался на пол. Если бы Борис, Олег и Юля не выбрались в прихожую, их бы сильно посекло.

Из-за двери выскочила перепуганная Изабелла Добина:

– Ой, живы... Где вас черти носят? Олег, ты бы хоть на них повлиял. Юлька – маленький ребёнок, а Борис – большой. Вечно в облаках витает...

– Белла, мы же все здесь, – успокоил Олег. – Вот, привёл твоих ненаглядных. Действительно, в комнате находится опасно – по окнам стреляют. Я уж не говорю о том, что творится на улице.

– Борис, изволь остаться здесь! – раздался из ванны другой женский голос – надтреснутый и глуховатый. – И Юлю призови к порядку. Твой это ребёнок или нет, в конце концов?

– А чей же ещё? – Борис смутился, поймав горький взгляд Олега. Мама, наверное, со страху забыла правила приличия, подумал он. Знает же, каково Величко такое слушать. – Минутку, мама, всё нормально. Мы здесь. Успокойся.

– С тобой успокоишься, – проворчала Дебора Самсоновна. – Мужчины, подвиньте вешалку к двери комнаты, чтобы никакая пуля не влетела...

Борис с Олегом перетащили вешалку так, что она загородила вход в злополучную комнату. Юля восторженно вертелась у них под ногами. Здесь окон не было, и её никто пока не одёргивал.

– Интересно, кто теперь нам стёкла вставит? – ворчливо спросила Дебора Самсоновна. – Октябрь уже, а мы не в Африке живём. Ребёнок ведь простудился – и так из ангин не вылезает!

– Боря, действительно все окна выбили? – печально, полушёпотом спросила Изабелла.

Крашенная перекисью блондинка с тёмными бархатными глазами, она и сейчас хотела выглядеть безупречно. Похожая то ли на манекенщицу, то ли на телезвезду, Белла очень нравилась Олегу Величко. Она имела милую привычку смотреть немного исподлобья, которую унаследовала Юля.

Вдруг жена Бориса раскашлялась, гулко и надсадно, только что с ней всё было в порядке. Зажав платочек тонкими пальцами с идеальным маникюром, Белла промокнула глаза, потом – губы.

– Я же говорил!.. – Добин опять приняхался. – Быстро все в ванную! Мочите тряпки, полотенца, и закрывайте лица.

– Папа говорит, что там химическая атака! – тут же сунулась Юля.

– Да ты что, Буба? – Дебора Самсоновна даже пошатнулась. Сын был в этом деле специалистом, и ошибиться не мог. – Они применили газы? Зачем?!

– Понятия не имею. Наверное, хотят выкурить людей из Парламента. – Борис затолкал всех в ванную. – Чего вы ждёте, не понимаю! Отравиться хотите? Вон,

Юлька уже заходится... – Борис поспешно сунул под кран платок, закрыл дочери нос и рот.

Потом Изабелла намочила ещё четыре полотенца, раздала остальным. Ванная в их доме была довольно просторная, но пять человек поместились там с трудом. Юля шаловливо выглянула из-за своего платка и фыркнула.

– Что чего? – спросил Борис, устраиваясь на бортике ванны.

– Лица закрыли все, как покойники!

– Типун тебе на язык! – испугался Олег. – Придёт же такое в голову...

«Устами младенца глаголет истина», – вспомнил он потом, и очень захотел поскорее уйти отсюда. Отклонялся бы прямо сейчас, но во дворе было ещё опаснее.

Дебора Самсоновна смотрела поверх своего полотенца большими выпуклыми глазами – она до сих пор тщательно накладывала макияж, очень следила за собой. Пальцами, буквально закованными в серебряные кольца, мать Бориса гладила свою седую кичку, сиреневую от «Ириды». Морщинистые мочки её ушей оттягивали старинные, доставшиеся в наследство, серьги. Всё это великолепие не очень вязалось с домашним платьем – чёрным в белую мелкую точку. Таким бывает небо зимней ночью, когда идёт снег.

– Я одного не понимаю – неужели этим защитникам не уйти из «Белого Дома»? Зачем они сопротивляются? Чего ждут? Ясно ведь уже, что проиграли. Подавляющая честь элиты и населения поддерживает Ельцина[2 - ЕЛЬЦИН – Ельцин Борис Николаевич (1931–2007), во время описываемых событий – Президент России.]. Это было ясно ещё весной. Депутаты и их сторонники обречены, и должны это сознавать, конечно же! Взрослые ведь люди... Только погубят своих сторонников, и совсем не виновных, вроде нас. Это ужасно, что на Калининском мосту стоят танки! Я войну пережила, а ни одного танка тогда не увидела. Но чтобы в центре Москвы!.. И всякие другие машины, как их там? БТР[3 - БТР – бронетранспортёр], БМП, БМД[4 - БМД – боевая машина десанта] ещё какие-то... Нет, вы слышите? Опять танк стрельнул. Не могу больше! Сил моих нет. Олег, дорогой, спасибо, что вы сейчас с нами!

Дебора Самсоновна отняла от лица тряпку, порывисто обняла смущённого Олега, положила свою большую голову ему на плечо.

– Я понимаю, вы думаете о своей мамочке, Анне Григорьевне. Как же она там, бедняжка? Это же от неё совсем близко. И никого рядом... Мы-то хоть все вместе. А соседи – в счёт, у них свои проблемы. Представляю, как ей жутко без Павла Романовича. И на улицу выйти никак нельзя – убьют сразу. Светопреставление какое-то! Белла, правда ведь, кошмар?

– Главный кошмар в том, что эти безумцы будут отстреливаться до последнего, – авторитетно заявила Изабелла. – Они уже перешли черту. Им так и так умирать. На расстрел или на длительные сроки они наработали ещё вчера.

Она мотнула своими пышными волосами, стянутыми на затылке в хвост. Надо лбом две пряди были сколоты в высокий кок.

Твидовая коричневая юбка Изабеллы была вся в извёстке, сыпавшейся с полотка. Верхняя перламутровая пуговица полосатой блузы висела на ниточке. Оглянувшись на дочку, она увидела, что та уже не закрывает лицо, а размышляет над очередной выходкой.

– Юля, держи ткань у лица! Что папа сказал?

– Мам, так ничем больше не пахнет, – возразила девочка. – А мне дышать трудно. Жарко очень. Давайте, дверь откроем в коридор...

Действительно, находиться в пропахшей шампунями и дымом ванной комнате стало невозможно. Олег твёрдо решил выбираться хотя бы в прихожую.

– Всё равно пока держи! Мало ли какую гадость на улице распустили. – Изабелла промокнула лицо своим полотенцем. – Ещё батареи топят в такую жару... Боже, как я раньше гордилась тем, что живу здесь, рядом с «Белым Домом»! Боря, помнишь, как мы в августе девяносто первого варили кофе для защитников? – Она обняла мужа и потёрлась носом о его плечо. – Тогда и Олег с Танечкой нам помогали. И потом мы всей компанией ходили к баррикадам. Помнишь, Юля, как тогда хорошо было?

Белла сморгнула слезу, облизала пересохшие губы. Юля поцеловала мать в щёку, погладила по руке.

– Тогда всё было похоже на карнавал, – заметил Борис. – Ведь гэкачеписты[5 - ГЕКАЧЕПИСТЫ – члены Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), которые в августе 1991 года попытались отстранить от власти тогдашнего Президента СССР М. С. Горбачёва и ввели в Москву войска. После провала так называемого «августовского путча» арестованы российскими властями. В 1994 году амнистированы. В то время т. н. «Белый Дом» был центром сопротивления действиям ГКЧП, который включал в себя практически всё высшее руководство Советского Союза.] не стреляли по толпе. Они не решились применить силу...

– А те три мальчика, что погибли в туннеле? – вскинулась Дебора Самсоновна. – Они не в счёт?

– Любой «тачке» закрой обзор, попробуй на неё взобраться, да ещё ночью, в туннеле – и будет то же самое, – зло ответил Олег. – И без этого спокойно обошлись бы. Или солдаты должны были ждать, когда их «коктейлями Молотова» забросают? Да, танки были в Москве, но по Парламенту они не стреляли...

Дом опять подпрыгнул от близкого залпа. Вдоль Рочдельской улицы исступлённо заколотили пулемёты с БТРов.

– А ведь могли бы сделать всё то же самое, – продолжал Олег. – Тогда я их просто ненавидел. А теперь думаю – святые люди. Предпочли пойти в тюрьму, но не проливать кровь...

– Мам, а в комнате люстру пулями разбили, – равнодушно сообщила Юля.

Ей всё-таки очень хотелось хоть одним глазком глянуть во двор. В школе, конечно, начнут хвастаться военными трофеями, рассказывать про себя разные небылицы. А она, маменькина дочка и бабушкина внучка, просидит весь день в ванной...

Дебора Самсоновна зарыдала, потому что люстра осталась у неё от родителей покойного мужа как память. Что бы сказал покойный Эммануил, услышав об

этом? Как минимум, получил бы сердечный приступ. Сколько ценных вещей уже испортили, и сколько ещё на очереди? Скорее бы этим безумцы в Доме сдались, и перестали мучить других людей!..

– Мам, не надо! – испугался Борис. – Прошу тебя... Ты ведь была в Москве во время войны. Говорила, что при налётах дежурила на крыше. Должна понимать, что в такие времена уже не до вещей – самим бы уцелеть!

– Буба, представь себе, что я даже рада... Твой отец умер давно, и не видит этого кошмара! Он точно не выдержал бы, и скончался сейчас. Моня так любил Красную Пресню, хоть и родился в Ленинграде! Мы чуть ли не каждый день гуляли тут, в парке. По лестницам, по улочкам. Твой отец прекрасно знал историю боёв девятьсот пятого года. Но для меня это были просто памятники – у метро, у Горбатого мостика... Кто бы мог подумать, что после стольких мирных лет снова начнётся война? И какая! Ведь свои убивают своих...

– Их расстреляют? – вдруг спросила Юля, обращаясь то ли к отцу, то ли к Олегу. – Ну, тех, которые в Доме сидят.

– Скорее всего, да, – вместо них ответила Изабелла. – Они ведь подняли мятеж. Это – государственное преступление. Или я что-то путаю, Боря? Олег, может, ты знаешь, что за это полагается?

– Белла, я ведь не юрист, – отговорился Величко. – Раньше бы, конечно, дали «высшую меру». А что будет сейчас, не берусь предсказать. У нас ведь демократия. Надо и с Западом посоветоваться...

– Олег, я всё думаю, как твоей матери позвонить, – озабоченно сказал Борис. – Наши-то телефоны с сентября не работают. Так волнуюсь за Анну Григорьевну – ты себе не представляешь? Может, ей уже врач нужен, а что делать? Я понимаю – тебя тянет к матери, а приходится тут с нами сидеть.

– К матери меня, разумеется, тянет, но и вас бросать не хочется.

Олег вдруг решил, плюнув на обстоятельства, пробираться на Новый Арбат в обход. Он уже открыл рот, чтобы сообщить об этом Добиним, но Юля снова напомнила о себе.

– Олег Павлович, а почему они подняли мятеж? Им плохо жилось?

Величко отрицательно покачал головой.

– Нет? А почему тогда? Они хулиганы? Милиционер сказал, что это бандиты. У них в подвалах куча оружия. Они пойдут всех нас убивать... Пап, а они, правда мэрию ограбили?

– Взяли – да, – думая о своём, ответил Олег. – А насчёт грабежа я не в курсе. Наверное, что-то такое было. Когда возьмут «Белый Дом», без этого тоже не обойдётся... Вот что, – Величко обвёл взглядом всю семью друга. – Сейчас всё-таки попробую попасть к матери. Чувствую, что она ждёт, очень тревожится. Юля, наверное, через много лет ты будешь рассказывать об этих событиях своим детям. К тому времени многое прояснится, я уверен. Конечно, сейчас мы о чём-то даже и не догадываемся. Большое, как сказал поэт, видится на расстоянии. А сейчас могу сказать одно – каждая сторона считает себя правой, и готова идти до конца.

– А кто из них прав? – Юля вертела вентиль никелированного крана. Изабелла молча отвела её руки и намочила платок сама.

– Прав всегда тот, кто защищается. А отвечает ударивший первым, – серьёзно, как взрослой, сказал девочке Олег.

– Вот уж не ожидала, что ты так скажешь! – не выдержала Изабелла. – Разве не нужно было подчиниться указу Президента? Ведь у него после референдума появился мандат от народа. Да, не сто процентов, но всё-таки большинство! Неужели правильно закрыться в Доме и терроризировать мирных людей, вместо того, чтобы пойти на выборы? Никто же им этого не запрещал! – Изабелла чутко прислушалась. – Вот, опять стреляют! И ради чего? Чтобы дальше заседать? Сдались бы и попросили прощения! Им-то что! На Рублёвке, небось, всё в порядке. А у нас квартира разгромлена. Мы остались без всего... Ребёнок перепуган на веки вечные. Так они о народе заботятся...

– Белла, тут всё не так просто. – Олег, который вертел в руках мыльницу, со стуком поставил её по полочку. – Президент поступил незаконно, понимаешь? Вот как если тебя ограбили в подъезде... Ты бы могла отнестись к этому спокойно? Вряд ли. По крайней мере, в милицию заявила бы. Ты грабителя не

трогала. Он однозначно виноват, чем бы ни оправдывал свой поступок. Он может сказать, что нечего гулять по улице в дорогой шубе, в ридикюле носить большие суммы денег. Мол, у него голодные дети, да и вообще – всё на свете несправедливо...

– Причём тут моя шуба?! – вспыхнула Изабелла.

– Ага, задело! – На скулах Олега выступили красные пятна. – Значит, шубу взять нельзя, а власть – можно! Ту власть, которая тебе не причитается по Конституции? А ведь это поважнее будет...

– Олег, это – советская Конституция, латанная-перелатанная... – начала Изабелла.

– Другой у нас на настоящий момент нет, – перебил Величко. – И присягал Ельцин именно на ней. Тогда она ему не мешала. Было бы желание, а предлог найдётся всегда. И если сейчас у Президента это прокатит, в России никогда не будет законности и порядка, а будет один произвол. Принцип «дикого поля» – кто сильнее, тот и прав...

– Олег! – Изабелла тряхнула своей шикарной причёской. – Прости, что напоминаю... Самое удивительное – слышать это именно от тебя.

– Почему? – удивился Величко.

– Ты не понимаешь? – Изабелла пожала плечами. Она уже начала нервно посмеиваться.

Борис тербил бороду, сидя на бортике ванны. Дебора Самсоновна сгорбилась на табуретке. Юля скручивала свой платок в жгут и нетерпеливо дёргала ногой. Влажный воздух, казалось, прилипал к лицам и стекал по щекам струйками пота.

– В принципе, понимаю. – Величко вдруг мучительно захотелось уйти отсюда – как никогда раньше.

Ему надоело пререкаться с женой лучшего друга, которая сейчас нанесла удар ниже пояса. Значит, здесь постоянно помнят о его горе, о его позоре. И Дебора Самсоновна – тоже. Она удивлённо смотрела на Олега и явно ждала от него других слов. Уж кому-кому, а ему вся статья была радоваться сейчас – ведь справедливость восторжествовала.

Наверное, только Юлька ничего такого не думала – в силу нежного возраста. Для неё Руслан однозначно был сыном Олега Павловича. Скорее всего, при ребёнке Дебора и Белла на эти темы не говорили.

– Ты был оскорблён в лучших чувствах к любимой жене! – Белла уже не стеснялась Юльки. – Судьба твоя сломана. Семья, считай, разрушена...

– Причём здесь мои чувства? – Величко закусил усы. Он ещё раз намочил под краном тряпку и стал чистить свой костюм. – Я ответил Юле, что обороняющийся, кем бы он ни был, прав. Формально правы депутаты Верховного Совета. Да, они потерпят поражение, но это не добавит легитимности Президенту. Именно он сейчас ведёт себя, как путчист. А ведь должен подавать пример своим подданным...

На Рочдельской улице громко выли БТРы. Над всей Трёхгоркой в бешеной пляске кружились жёлтые и красные листья. Потом они пропадали в чёрном дыму и в автомобильных выхлопах. Казалось, что опавшая листва просто сгорала в общем пожаре.

– И обстоятельства не имеют никакого значения? – не сдавалась Изабелла. – Ведь депутаты элементарно мешали Президенту работать...

– Плохому танцору известно, что мешает! – огрызнулся Олег. – От того, что он сейчас окружил Парламент войсками и колючей проволокой, стреляет по роскошному, дорогостоящему зданию из танков, стране легче не станет. Но вот привычка решать таким образом проблемы будет уже неискоренима. – Величко чувствовал, что от него ждут ещё каких-то слов. – А меня не жалейте, не надо. Вы меня все восемь лет жалели, и зря. У меня нормальный сын. Кто знает, каков был бы мой кровный? Может быть, даже хуже. – Олег застегнул пиджак и приоткрыл дверь в прихожую.

– Ты обиделся? – Изабелла поняла, чтохватила через край. – В таком состоянии чего не скажешь, верно? Извини, если что не так. Но, понадеемся, весь этот бедлам скоро кончится. Гайдару[6 - ГАЙДАР – Гайдар Егор Тимурович (1956–2009), в 1991- 92 г.г. – исполняющий обязанности премьер-министра России. Проводил крайне болезненные и непопулярные среди населения реформы, называемые «шоковой терапией». Был отправлен в отставку на VII Съезде народных депутатов РФ в декабре 1992 года. В 1993 году активно выступил на стороне Б. Н. Ельцина против Парламента.] дадут навести порядок, продолжить реформы. Государство оказалось в тупике, и надо было что-то делать. А что касается жалости... Да, Олег, жалеем и сочувствуем. Это горе, оскорбление для мужчины. Вряд ли Борис простил бы мне такое. Не убил бы, конечно, но и жить со мной не стал...

– Оставьте наши проблемы нам. Мы с Татьяной сами разберёмся. – Величко, чтобы не сорваться, цедил воздух сквозь зубы. Усы его нервно дёргались. – Как-нибудь обойдёмся без посторонних.

– Мы для вас посторонние?! – всполошилась Дебора Самсоновна. – Не обижайтесь на Беллу, Олег, умоляю вас! Но мне и самой чудно. Неужели вы не испытываете неприязни к человеку, соблазнившему вашу жену? Вам всё равно, что он сегодня может погибнуть? А, может, вы его даже жалеете?...

– Я ещё не до конца разобрался, – признался Олег. Чтобы немного успокоиться, он потрепал по голове Юльку. Жаль, что ребёнок это слышит, но выслать его некуда – вся квартира простреливается. – Кажется, я только сейчас понял, почему Татьяна поступила так. Хорошо, что она сейчас меня не видит – на карачках за креслом, или прячущегося в ванне. А он... – Всем было понятно, о ком идёт речь. – Наверное, мой профессор ведёт себя иначе. Он принял вызов на безнадежную дуэль. Конечно, его могут убить – даже сегодня. Или потом приговорить к расстрелу. Если так случится, я буду молиться и за него. А теперь, простите, я пойду на Новый Арбат. Кажется, стрельба несколько стихла. Попробую добраться вкруговую. Сначала – через парк, потом – арбатскими дворами...

– Наверное, стоит попробовать, – согласился Борис. – Я тебя провожу, хоть и сам всё знаешь. До ближайшей дырки в заборе.

– Нет уж, карауль семью, – отказался Олег. – И сам как-нибудь. Не впервой.

– Ну, когда хоть по лестнице, до дверей. Там тоже полно народу, и все чужие. А я – с паспортом, с пропиской. Может, чем-нибудь и помогу тебе...

– Ладно, только до выхода во двор. – Олег заметил, что Дебора Самсоновна враз осунулась, и губы её посинели. – Защитить меня ты не сможешь, а сам пострадаешь. А если потом меня пристрелят – значит, такая судьба.

– Нет, вы не погибнете, дядя Олег! Ни за что не погибнете! – Юля выскочила в коридор, надеясь потом вместе с отцом проникнуть на лестницу. – Вы ещё молодой...

– А знает ли об этом пуля? – Олег поднял Юлю на руки, поцеловал в щёку и поставил на пол. Потом снял с вешалки свой светло-серый итальянский макинтош. – Пока, что ли, подруга? Живы будем – созвонимся...

Изабелла оторвала болтающуюся пуговку и зажала её в кулаке.

– Олег, будь осторожен. Боря, тоже смотри в оба. Проводишь – и сразу же обратно.

– Да, вроде, тихо пока. Может, всё уже кончилось? – Добин вышел из ванной, не таясь.

Юля вцепилась в руку Олега и не пускала его за порог.

– Чао, Белла! Надеюсь, что все выживем.

– Всё будет хорошо, – согласилась Изабелла. – Я чувствую. Идите скорее, а то «окно» пропустите.

Сейчас на улице не стреляли, и только со двора доносились громкие голоса. Сильно пахло горелым порохом, и почему-то – клубничным вареньем. Видимо, его переваривали прямо под обстрелом.

– Мам, я через пять-десять минут вернусь, – скороговоркой, как в детстве, предупредил Борис.

– Барабулька!.. – Дебора Самсоновна сползла с табуретки, медленно подошла к сыну и схватила его за плечи. – Бубочка... Осторожней, сынок!

– Мам, я уже забыл, когда ты меня так называла. – Добину было неудобно перед Олегом. – Что это с тобой?

– Я вдруг вспомнила... – Дебора оглаживала ладонями щёки и скулы сына. – Ты ползал в манеже, грыз погремушку, И приговаривал: «Бу-бу-бу!» Мы с папой тебя так и прозвали – Буба.

– Мама, успокойся, не нервничай! Всё нормально. Я здесь, с тобой, вернее, со всеми вами. Олегу бы пройти – за него боюсь!

– Пройду как-нибудь. – Величко был в этот не уверен, но старался держать марку.

Он открыл знакомый замок и вышел на лестницу. Там тихонько переговаривались люди. В основном, это были крепкие ребята в кожаных куртках – примерно одного возраста. Они расстелили полиэтиленовую скатерть прямо на ступенях, выставили снедь – бутерброды с сухой копчёной колбасой, воблу, промасленные насквозь чебуреки. Пили они прямо из горлышка какую-то прозрачную белую жидкость, но перегаром на лестнице не пахло. Олег про себя подумал, что им нужно было сначала вымыть руки, а потом уже приниматься за еду.

– Боря! – Изабелла вдруг рванулась к двери. – Боря, я с вами!

– Мама, и я! – Юлька выскочила из опостылевшей ванной, бросив массажную щётку, которой только что причёсывалась.

Бабушка тихо плакала. Потом она подняла обе руки, будто собираясь сдаваться. Она так и застыла в дверях, не в силах сделать ни шагу. Такой запомнил её сын Борис. Такой запомнил мать своего друга Олег Величко.

– Не ходите, сидите дома. – Олег, уже в который раз, взглянул на часы. – Борис вернётся, с собой его не уведу. Только в комнату пока не заходите – могут убить. К ней хорошо прицелились.

– Не пойдём туда. – Юля проглотила слёзы, схватила свою мать за руку и прижалась головой к её плечу.

Из-за стеклянной двери кухни брызнул солнечный луч. Вокруг Беллы с дочерью закружилась золотая пыль, и волосы их тоже засветились. Борис, обернувшись уже с лестницы, помахал им, ссутулился ещё больше, опустил левое плечо ещё ниже и сжал кулаки. Он даже не понял, что с ним творится, и почему так хочется плакать...

– Пока! – ещё раз сказал Юльке Олег Величко и послал ей воздушный поцелуй. Борис в суматохе едва не забыл переобуться. Он лишь в последний момент сунул ноги в полуботинки.

* * *

Жующие ребята немедленно воззрились на них и замолкли. Они были похожи, как родственники – все темноволосые, кудрявые, толстогубые. У одного из них Олег заметил в рукаве нунчаки. Рядом с другим лежал обрезок водопроводной трубы, а третий даже не снял с руки кастет. Друзья увидели, что эта сомнительная публика буквально заполонила лестницу. Крутые ребята, как мухи, обсели все ступени, раскидывая вокруг себя окурки, пачки из-под сигарет и мятые упаковки от продуктов.

Олег отметил, что новые постояльцы не только схожи внешне, ещё и одеты одинаково – в чёрные кожаные куртки и серые брюки. Кроме того, они были неплохо вооружены. Около стен стояли разнообразные модели автоматов Калашникова, а также снайперские винтовки с оптическим прицелом.

Борис остановился, не зная, как эти молодцы отреагируют на их с Олегом появление. Может быть, они не хотят, чтобы жильцы видели это оружие. На всякий случай, он захватил паспорт, хотя не собирался выходить из дома. За те две недели, что ОМОН и милиция осаждали квартал, Добин привык всегда ходить с документами. Так же поступали и мать с Изабеллой, потому домой пускали только штампу о прописке. Юльку отводила в школу и забирала оттуда бабушка.

Олег сегодня заночевал у Бориса, и теперь жалел об этом. Нужно было уйти к матери, пока в город не вошли войска. Но кто мог об этом вчера, когда около «Белого Дома» не было даже привычного оцепления, и народ веселился от души? Тогда Олег и решил отправиться к матери утром, а пока погулять с Борисом и Юлькой, вспомнить события двухлетней давности.

В воскресенье днём «Белым Дом» был деблокирован демонстрантами, прорвавшимися со Смоленской площади. Оцепление то ли сняли, то ли оно разбежалось само. Ликующие колонны заполнили все подступы к зданию Парламента. Люди обнимались, целовались, пели песни и строили планы на будущее.

Олег, протиснувшись сквозь толпу, вышел к дому Добина, поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Всё семейство оказалось в добром здравии, и Юлька сразу же запросилась гулять. С конца сентября Величко ничего не знал о Борисе и его родных – на Пресне уже давно не работали телефоны. Они заснули спокойно, а проснулись от выстрелов. Рано утром в Москву вошли воинские части и начали обстрел «Белого Дома».

Один из обедающих ребят, судя по всему, их главный, против ожидания, весьма доброжелательно посмотрел на Бориса. Потом что-то сказал ему – как показалось Олегу, по-немецки. Величко пожалел, что хорошо знает только английский. Парень говорил с набитым ртом, что тоже затрудняло понимание. Борис тоже пожал плечами и вытащил паспорт. Другой молодой человек охотно протянул руку за документом.

– Посмотрим сейчас, кто вы такие! – улыбаясь, сказал он, но глаза смотри настороженно. – Итак, Добин Борис Эммануилович... Красивое отчество, правда?

– Я тоже так считаю. – Борис торопливо облизал губы. На улице немного постреляли, и снова всё стихло. – Мой отец был поклонником дирижёра Хайкина. Я – его двойной тёзка.

– Возьмите. – Парень отдал паспорт и поднялся со ступени. Потом достал и кармана салфетку и вытер жир с губ. – Здесь живёте?

– Да, вы же прописку смотрели, – заторопился Борис. – А это – мой друг. Заночевал у меня, а теперь хочет к матери пройти, на Новый Арбат. Она там

одна в квартире, очень переживает. Олег, ты тоже с паспортом?

- Да. - Величко это очень не нравилось, но на рожон он не лез. - Предъявить?

- Не стоит, - вступил в разговор их главный, наконец-то покончив с едой. - Вы бы подождать здесь, пока всё закончится. Недолго уже осталось. «Биде», - он именно так произносил эту аббревиатуру, - вот-вот выкинет белый флаг. Потом мы немного коммунистов помесим, - ничуть не стесняясь, продолжал он. - А после мы к маме своей пойдёте. Конечно, дело ваше, но я обязан предупредить. На Рочдельской «жмуры»[7 - ЖМУРЫ - покойники (жарг.)] навалом лежат, и в сквере тоже. Там очень плотный огонь, мужики. Вряд ли пройдёте.

- А вы, собственно, кто? - Величко поразила их циничная откровенность. - Вы правомочны меня здесь задерживать, или просто даёте совет?

- «Афганцы» мы, - сказал третий парень, немного помоложе первых двух.

Он говорил вежливо, но во взгляде уже мелькнуло что-то очень нехорошее. Величко, тем не менее, ждал более подробного ответа.

- Хочешь идти - иди, - лениво разрешил главный. Нам чем меньше здесь народу будет, тем лучше. Только потом не являйся ко мне ночами, ибо я тебя предупреждал. Если пойдёшь, обрати внимание. На улице Николаева телефонную будку насквозь пробило, угол дома вчистую снесло. А твоя голова послабее будет.

- Спасибо на добром слове, но я пойду. - Величко почувствовал, что у него задёргалось правое веко.

Только что это было в ванной у Бориса, когда Изабелла напомнила об измене жены Татьяны. А этот парень молод для «афганца»... Впрочем, чёрт с ним. Скорее всего, это члены московских вооружённых формирований, пришедших на помощь президентской стороне. Армии и внутренних войск, видимо, показалось мало.

- А я вернусь, - успокоил Борис. - Провожу только друга во двор.

– Возвращайся, Боря, – дружелюбно сказал главный «афганец».

Он некоторое время смотрел на Олега, потом махнул рукой и пошёл вверх по лестнице. Остальные посторонились, и Добин с Величко, перешагивая через их колени и ботинки, стали продвигаться к выходу.

Около почтовых ящиков народу оказалось ещё больше. Тут толкались мальчишки, показывая друг другу разнообразные гильзы. Они взахлёб спорили, какой из них от какого оружия. Карманы их курток топорщились от всевозможных осколков.

– Да нет же, нет! – кричал мальчик лет десяти. – Это пять-сорок пятая, от «Калаша»! – Он явно использовал неожиданный свободный день так, как хотел. В потёртой джинсовой курточке, с выдавшим виды рюкзачком, он чувствовал себя невероятно счастливым. – Я знаю, мне показали! У меня уже вот их сколько!

Мальчишка перевернул рюкзак, и гильзы с осколками разлетались по плиточному полу. Какая-то старушка испуганно вскрикнула.

– На Калининском много таких. Но туда не пройти – стреляют.

– А у меня на двенадцать и семь есть. Вот, я в клумбе нашёл. От бэтээровских крупнокалиберных пулемётов.

Другой паренёк гордо протянул вперёд руку и разжал пальцы. Горячие мокрые гильзы жёлто блеснули в отсветах сухого солнца и словно пропали.

Были здесь и девчонки, и толстые женщины с сумками, и молодые мамочки с колясками. Там сидели снулые, безразличные ко всему малыши. И над всеми плавали запахи перегара, сигаретного дыма, горелого пороха, ружейного масла.

– Пацаны, здесь живёте? – Олег, увидев их, вспомнил сына, который сейчас болтался неизвестно где. Наверное, ему очень хотелось поехать сюда и тоже раздобыть себе сувениры на память.

– Я – здесь! – мальчик в джинсовой курточке указал на своего дружка. – А он – на Дружинниковской. Но туда сейчас не пройти, мы пробовали. Нас мужики в

камуфляже обратно завернули. – Он колупнул заплату на локте.

– Защитники, что ли? – поинтересовался Добин.

– Ага. Там, сказали, БМП из пушек «Гром» стреляют, и из авиационных тоже... Нас бы точно убили. Там всех перестреляли, кто хотел пройти. И вы не ходите – очень много мёртвых лежит. Одна тётка бегала-бегала, а потом её тоже – очередью... – Мальчик поёжился. – Мы с Санькой немножко видели. Она подёргалась так, подёргалась, и...

– Не надо! – Величко опять закусил усы. – Тогда сидите здесь и ждите, пока всё кончится. А я, Боб, пошёл. Как-нибудь попробую. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Мужчина, не ходите! Там омонцы кругом и десантура. Все пьяные вдрызг. Стреляют, в кого ни попадя! – Одна из женщин цапнула Олега за рукав. – Подождите лучше, пока стихнет. Я сама с улицы Заморёнова, а тут сижу.

– А когда оно стихнет? – Величко покачал головой. – И сколько здесь торчать придётся, неизвестно. Я, знаете ли, фаталист. На войне бывает всякое. Один всё время в бою – и ничего. А другой при штабе подъедается, и вдруг случайно туда – прямое попадание. Отец фронтовик был, и про это часто рассказывал. Боб, короче, до свидания!

– У Татьяны твоей день рождения сегодня. Поздравь её от всех нас, – вспомнил Борис.

– Поздравлю, если доберусь.

– Как она? Очень переживает, наверное, из-за всего этого? – Борис скосил глаза в ту сторону, где полыхал Парламентский дворец.

– Очень, – признался Олег. – Пьёт всё время и курит. А ей нельзя – сердце плохое. В то же время и запретить не могу. А то совсем сорвётся. Я умолял её сюда ни за что не приезжать – мало ли... Но кто знает?

Величко грустно посмотрел на годовалого малыша в нейлоновом комбинезоне. Тот, зажав в двух кулачках по гильзе крупного калибра, стучал ими и смеялся.

- Гляди, Боб, какие нынче игрушки пошли...

- Да, ужасно. - Добин сжал локти Олега. - Иди, если не можешь тут оставаться. Действительно, это уж как судьба. Только маму мою прости - она тебя очень любит. Просто характер такой, женский. Ей всё и про всех знать нужно, кругом нос сунуть. Говорит: «Как я жить буду, если не узнаю, что и у кого происходит?» Она не со зла, ты не думай. Всё понять не может, как Татьяна могла тебе изменить. Ведь вашу с ней любовь все помнят, кто вас давно знает. Такое необразишь...

- Самое лучшее - забыть об этом. У меня, бывает, получается, - признался Олег. - Но всё время напоминают - то твоя мать, то сама Татьяна. Говорят, если с ним что-то случится, покончит с собой. Я просил её хотя бы ради их общего сына такого не делать. На меня-то ей наплевать, а родители умерли. О бабушке любимой, говорю, подумай! Но пьяной женщине ведь ничего не докажешь.

- Я обязательно приеду к вам и поговорю с Таней, - заверил Борис. - Женщины очень быстро становятся алкоголичками. А она у тебя мягкая, безвольная, вся на эмоциях. Никакого стержня внутри. Боюсь, потом не выплывет. А ей скатываться и вовсе непозволительно. Стоило ли тогда кончать школу с золотой медалью и институт с одним «хорошо»? Но я вас не оставлю. - Добин пихнул Величко кулаком в плечо. - Ты согласен? Идёт?

- Идёт, - кивнул Олег. - Возвращайся. Там без тебя с ума сойдут.

Добин выглядел жалко - худой, сутулый, с взъерошенным затылком. Олег подумал, что именно таким, наверное, и должен быть настоящий гений. Борис, кроме семьи, жил одной только химией, и уже добился очень многого.

- Возвращаюсь. - Он резко повернулся и ушёл на лестницу.

Тут же от батареи парового отопления отделилась высокая молодая женщина с мальчишеской стрижкой и лучистыми, какими-то мохнатыми глазами - из-за длинных ресниц. Одета она была как заправский тинэйджер - в чёрный рабочий комбинезон, простроченный белыми нитками, в такую же грубую куртку и в

цветастую рубаху. Штанины она небрежно заправила в высокие шнурованные ботинки на «тракторной» подошве.

– Вы меня простите, – заговорила женщина. – Может быть, я поступаю дурно. Но у меня просто нет выхода, и потому я прошу помочь...

Женщина говорила так нежно и смущённо, что Олег на секунду забыл о происходящем вокруг. Несмотря на то, что Красная Пресня насквозь провоняла палёным, запах французских духов приятно щекотную Олегу ноздри.

– Я вас слушаю, – рассеянно сказал он, не представляя, что нужно незнакомке.

– Меня зовут Франсуаза де Боньер. Я представляю здесь одну из телекомпаний Франции...

– Очень приятно. – Величко заметил акцент, впрочем, очень пикантный. – Моё имя – Олег Величко.

– Какая интересная фамилия! Забавная. Извините... – Франсуаза тепло, по-домашнему, улыбнулась. – Я сразу решила, что вы можете мне помочь. Я забежала сюда час назад, и до сих пор не могу выбраться.

– Если смогу, то с удовольствием.

Олег даже обрадовался, что выйдет на улицу не один. В присутствии иностранки риск быть убитым уменьшался наполовину.

– Олег, мне нужно на Новый Арбат. Я там снимаю сейчас квартиру. Мне нужно в определённое время связаться с Парижем, со своей студией. И – такая незадача! – Франсуаза вдруг всхлипнула.

Олег вздрогнул от неожиданности и заглянул ей в лицо:

– Я тоже туда иду. Там живёт моя мать. Совсем недалеко, у Садового кольца.

– А мне нужно к магазину «Сирень». – Франсуаза быстро овладела собой и спросила: – Олег, вы проводите меня? Я знаю Москву намного хуже вас. Хотя

живу здесь, с перерывами, почти три года. Но вы ведь местный? Возможно, знаете, как пройти по дворам?

– Здесь мой друг живёт. Ещё детьми в этих дворах играли... И сам я с Калининского проспекта, то есть с Нового Арбата. Так что попробовать стоит...

– Благодарю вас! Я не буду обузой, не волнуйтесь. Постараюсь не сердить вас женскими капризами. – Франсуаза явно была довольна.

Она вся как-то подобралась и выглянула на улицу. Тут же зажмурилась от солнца, дыма и блестящих на асфальте гильз, осколков стекла.

– Мы будем помогать друг другу. Я провожу вас до дома. А вы, если будет нужно, прикроете меня дипломатическим иммунитетом? Согласны? – Олег невольно улыбнулся.

– У меня нет иммунитета. Но я постараюсь помочь, чем получится. Правда, снайперы бьют с крыш, и им безразлично, какое у кого гражданство, – предупредила Франсуаза.

– Вы отлично говорите по-русски! – не сдержался Олег. – Это не комплимент, а факт. Это просто невероятно... Мадам или мадемуазель?

Они вышли из подъезда. Было почему-то очень тихо. Лишь рокотал вдалеке вертолёт, и очень высоко, почти под крышами, кружились хрупкие, лимонного цвета, листья. Ветер лениво волок по бугристому асфальту мятый картон.

– Мадам. Я замужем. Муж сейчас здесь, рядом. Совсем недалеко.

– И он вас не проводил? – вымученно усмехнулся Олег.

– Он не может этого сделать. – Франсуаза взглянула в сторону горящего Дома. Даже сквозь дым сияло чистое осеннее небо.

– Позвольте узнать, почему? Ради такой супруги можно бросить дела, – совершенно искренне сказал Олег.

– Он уже две недели там. – Франсуаза выразительно посмотрела на Величко. – В Парламенте.

– Тоже журналист?

Для Олега эта новость оказалась неожиданной. Впрочем, почему бы и нет? Работа есть работа, и оттуда так просто не выскочишь.

Франсуаза несколько метров прошла молча. Потом всё-таки ответила – шёпотом, хотя рядом никого не было:

– Нет, он конституционалист...

– Кто? – не сразу понял Олег. Ему даже стало стыдно за свою серость.

– То есть защитник, – совершенно спокойно призналась Франсуаза.

Один из «афганцев», оставшихся в доме Бориса Добина, поднялся на чердак. Он с грохотом захлопнул люк и выбрался на деревянный настил. Сейчас здесь было тихо, солнечно и пыльно. Около мутного полукруглого окошка сидел, сжав в руке попискивающую рацию, пухлый молодой человек, тоже в чёрной короткой кожанке. Его снайперская винтовка с оптическим прицелом была зажата под локтём, и рядом валялся чехол. Другую руку стрелок протянул вновь прибывшему соратнику.

– Изяслав, есть приказ, – торопливо сказал вновь пришедший. – Я не доверился рации, решил передать лично. Что-то ребята притихли. Устали, наверное. Получается не штурм, а детский сад. Так мы и за неделю не управимся.

– Выдохлись? – понимающе спросил Изяслав. Он взял винтовку и пристроился у окна. – Понимаю – по своим стрелять трудно.

– Видимо, хотят вступить с «БиДе» в переговоры. Этого допускать нельзя, иначе нам трудно будет потом туда войти. «Альфа»[8 - «АЛЬФА» – антитеррористическое спецподразделения КГБ СССР, впоследствии Министерства безопасности России. Сыграло важную роль в разрешении кризиса

1993 года, первым войдя в Дом Советов и предотвратив расправу с депутатами и многими рядовыми защитниками Конституции.] очень ненадёжна, пререкается с самим Президентом.

– Ничего, мы их простимулируем, – успокоил Изяслав, вздымая пятерней курчавый светлый чуб. Он отполз с винтовкой к противоположному слуховому окну, проверил прицел. – Что, запишем себе ещё двоих на счёт? Жаль, командир запретил зарубки на винтовке делать...

– А вдруг возьмут тебя с этой винтовкой? – хмуро сказал брюнет. – На месте растерзают. Давай, сейчас выбери две цели, на своё усмотрение. Как, приглядел уже?

– Есть один подходящий. – Изяслав прикрыл правый глаз. – Возьми «скрипку» в углу. Это нужно делать одновременно.

Брюнет открыл футляр, вытащил такую же винтовку, как у Изяслава. Он немного подумал, выискивая цель для себя. И тут увидел пожилого мужчину в макинтоше и шляпе. Тот торопливо перебежал через дорогу. Линзы его очков отражали последний в жизни солнечный луч.

– Сними-ка вон ту кандидатуру! – пошутил Изяслав, который подполз к брюнету и заглянул ему через плечо. – А я «погоны» пощекочу.

– Ты давай, свой сектор обрабатывай, – недовольно сказал брюнет. – А я уж сам как-нибудь.

Изяслав поймал в прицел шею щуплого солдатика, сидевшего на броне БМП. Его командир, высунувшись люка, что-то быстро говорил по рации.

– Народ и армия должны быть едины, – назидательным тоном сказал брюнет Аркадий.

Через секунду рядом с его шнурованным ботинком упала горячая гильза и покатила в угол. Тот же самый звук, вроде бы, привычный, издала винтовка Изяслава. Правда, обоим стрелкам показалось, что хлопки получились слишком громкими.

На улице же прохожие забегали, как муравьи, вновь стараясь забиться в любую щель. Они уже начали потихоньку выходить из подъездов и перебежками, оглядываясь, пробираться к своим домам. И, поскольку вокруг было тихо, светило тёплое солнце, шуршал обильный листопад, никто не ожидал этих выстрелов. Как всегда, обыватели надеялись, что скоро самое страшное кончится, а остальное тоже как-нибудь разрешится. Точно так же, надеясь на «авось», хотел вернуться на свою Мантулинскую улицу и бедолага в очках.

Наверху щёлкнуло. Пуля, словно живая, буквально вползла в затылок мужчины, прямо под шляпу. Идущая следом мамаша истошно закричала и упала на асфальт, прикрывая собой ребёнка. Завизжали и остальные дамы, увидев, что произошло с пожилым мужчиной. Шляпа свалилась с него, разбились упавшие очки. Из правого уха фонтаном брызнула кровь, череп треснул, а он виска отскочила кость.

Мужчина сел на корточки, а потом медленно вытянулся посередине гористой улочки. Рыжеватыми от крови его мозгами окатило плащ молодой матери и ботинки мальчишки-школьника. Тот, ещё ничего не понимая, хотел помощь дяде подняться. Аркадий подумал, не прикончить ли и парня, но потом решил, что это лишнее.

– Готов, – спокойно сказал он. – А как у тебя дела?

– И у меня порядок. – Изяслав передумал стрелять в шею и спустил перекрестье на левое плечо. Девятнадцатилетний призывник взмахнул руками и полетел с брони на газон. Там он ударился головой о бордюр и замер. Другой солдат в камуфляже прыгнул к нему с брони, наклонился, быстро ощупал. Потом быстро уволок солдата за БМП и снова вытащил рацию.

– Уходим! – Изяслав быстро спрятал винтовку в чехол. – Они сейчас нас подавят...

– Да, конечно. – Аркадий сделал то же самое со своим оружием. – Бери «скрипку», нам ещё играть.

И он первым направился к люку, чтобы спуститься на лестницу.

Дебора Самсоновна чутко прислушивалась к тишине и ждала сына. Сжав руки под грудью и глядя в потолок, она шёпотом молилась за Бориса. За окном, как и

многие годы до этого, падали ржавые и жёлтые листья. Разноцветные кроны деревьев сделали Пресню пёстрой, праздничной. И синело над всей этой красотой необъятное небо, пахло сухой землёй.

Прижавшись к бабушке, притихла неугомонная Юлька. А Дебора видела в своей внучке себя школьницей, вот такой же московской осенью, когда вместе с соседями лазила дежурить на крышу и мечтала потушить зажигалку. Дору Лейферман тогда все звали пчёлкой[9 - ДЕБОРА - пчела (др. - евр.)] – такая она была энергичная и хлопотливая.

А потом кончилась война, и через некоторое время Дебора стала Добиной. Она не любила размениваться на пустяки. Всё у неё было в единственном числе – муж, сын, внучка. Она даже не подумала о том, чтобы привести Боре отчима, родить ещё одного ребёнка. Не требовала она с сына новых внуков – вполне хватало одной, любимой Юленьки...

И именно из-за этой звенящей тишины, оба выстрела с их чердака прозвучали чётко, страшно. Тотчас же на улице закричали, что убили человека. Изабелла бросилась к двери на балкон, потому вход в другую комнату загородили вешалкой. Испугавшись за невестку, Дебора поспешила следом. Надо было непременно увести Беллу с балкона, чтобы не случилось никакой беды. Домашние туфли скользили по паркету, и ноги слабели от страха. Юлька, приоткрыв рот, вопросительно смотрела на бабушку.

– Мама, туда же нельзя! – крикнула она немного погодя.

– Белла, что случилось? Что ты там делаешь? – Дебора выглянула из-за балконных дверей. – Я слышу, что опять стреляют!

– Убили! Убили! – повторяла обезумевшая Изабелла, перегибаясь через ограду балкона. – Боречку убили...

Она понятия не имела, что конкретно произошло на улице, и кто попал под пулю. Но, раз муж до сих пор не возвращался, значит, это могло случиться и с ним. Услышав этот возглас, Дебора тоже шагнула на балкон, и солнце сверкнуло в толстых, цилиндрических линзах очков. Юлька не пожелала оставаться одна в комнате, и тоже выбежала из стеклянных дверей. С балкона они не видели ни убитого, ни зевак, но всё равно кричали и плакали. Две женщины, пожилая и

молодая, и восьмилетняя девочка смотрели вниз. Перед ними трепетали от суховея невероятно красивые кусты – с лимонного цвета листьями и белыми ягодами.

На крышах окрестных домов сидело много людей, в основном мальчишек и студентов. Многие из них были с разнообразными биноклями и даже с подзорными трубами. Захваченные великолепным действием, они вели себя, как в театре. Антенны, фонари, провода, трубы Пресни – всё разом мелькнуло перед глазами родных Бориса и разом пропало в раскалённом смерче взрыва. Следующий залп «Шилок» пришёлся по чердаку. Кроме того, по снайперской точке выстрелили ещё и из гранатомёта. Тот солдатик всё-таки скончался, и теперь боевые товарищи мстили за него убийцам...

Дом содрогнулся так, что люди в подъезде упали – кто на колени, кто ничком. Борис как раз открывал свою дверь, и тут его швырнуло обратно. Вылетев на лестничную площадку, Добин ударился затылком о перила. Он грохнулся навзничь, не понимая, что же произошло. Сидящие полу «афганцы» инстинктивно пригнулись, а потом долго не могли различить друг друга в густом облаке пыли, штукатурки и кирпичной крошки.

В возобновившейся бешеной стрельбе уже не было слышно ни плача и стонов раненых, ни криков уцелевших. Аркадий и Изяслав – оглушённые, контуженные – буквально выпали из чердачного люка и повисли, зацепившись ногами за перекладины лестницы. Из приоткрытой двери Добина повалил дым.

– Похоже, действительно на «красных» подумали, – пробормотал Аркадий, постепенно приходя в себя. – Жаль только, что стрелять они не умеют, как следует...

Остальные «афганцы», прочищая пальцами оглохшие уши, молчали. Борис так и лежал без сознания, ни на что не реагируя. А дом буквально разрывался от воплей. Кое-где вылетели до сих пор уцелевшие стёкла, кого-то ударило по спине куском штукатурки, кто-то просто потерял голову от ужаса. Хлопали двери, гудели лестничные пролёты, то тут, то там вспыхивали скандалы.

А сухой ветер весело трепал остатки сгоревших гардин на балконе Добиных, ключья шёлковых штор шоколадного цвета. Он раздувал пламя, почти не видимое при ярком свете дня, которое уже охватило комнату и вырвалось в прихожую...

– В дом Боба попали! Ничего себе... – определил Олег Величко.

Он прижался лицом к заросшей травой крышке люка и к ней же пригнул голову Франсуазы. Над ними, не умолкая, уже несколько минут строчил башенный пулемёт с БТРа. Волосы молодой брюнетки были мягкими. Олег, прикоснувшись к ним, почувствовал тепло и сладкое томление в сердце. Франсуаза дала ему, мужику, фору. Пока добирались до стадиона «Красная Пресня», Олег сам себя чувствовал обузой.

А ведь он всегда дружил со спортом – играл в теннис, ходил на лыжах, занимался греблей и плаванием. Покойный отец считал говорил, что мужчина не должен отлёживать бока на диване. Но Франсуаза вела себя так, словно полжизни провела в уличных боях. Величко решил, что во Франции, должно быть, такую подготовку имеют все военные журналисты, и потому не стал особенно восторгаться.

– Вы ползаете, как змея, – только и сказал он.

– Я родилась в год Змеи, – с милой улыбкой ответила Франсуаза.

– А я – в год Собаки, – признался Олег. – Значит, должен уметь проползать под забором...

Сейчас они оба прислушивались, распластавшись на траве. Молодая женщина попробовала успокоить своего спутника.

– Может быть, не туда попали. Трудно сказать. А вдруг просто рядом?

– Даже если рядом! – Олег буквально не находил себе места. – Зачем по жилым домам стрелять? Совсем без чердака остались? Вы же видели, что в этом доме совершенно мирные люди.

– Понимаете, на чердаках есть снайперы, – невозмутимо пояснила Франсуаза. – Я читала, что ещё во время Первой русской революции здесь, на Пресне, была такая же история. Боевики вели огонь с чердаков, а по ним стреляли из пушек...

Величко, кроме всего прочего, страдал и по другой причине. Он безнадежно испортил костюм, плащ, рубашку. Всё было в земле, в масле, даже, в чьей-то крови. Впрочем, это могла быть и ржавчина. Франсуаза, конечно, оделась сообразно обстоятельствам, но её персиковое личико уже не блистало чистотой.

- Самое главное, что теперь туда и не вернёшься, - посетовал Олег.

- И не надо. Чем мы поможем? - резонно заметила Франсуаза. - Один момент подождите...

- Что там ещё? - Величко приподнял голову.

Знал бы, что придётся вытирать брюхом Рочдельскую и Дружинниковскую улицы, надел бы старый спортивный костюм и кроссовки. А он ведь собирался днём, уже от матери, ехать на Зацепу - в свою Академию. И нарядился соответственно - как обязывало положение.

За стеной стадиона, перекатывая голову по куче опавшей листвы и мусора, лежал мужчина средних лет. Он был ранен в ногу, и потому то стонал, то хрипел. Похоже, ему попало ещё куда-то - на губах пузырилась кровь. Его перевязывали сразу несколько человек. Они не столько помогали, сколько мешали друг другу. Сквозь гарь отчётливо пахнуло мясной лавкой, и Величко едва не вырвало.

- Вы не доктор, Олег? - шепнула ему на ухо Франсуаза.

- Нет, я экономист. Никаких медицинских навыков, к сожалению, не имею.

- Я могла бы помочь, но здесь очень тяжёлый случай. Похоже, это пуля со смещённым центром тяжести. Видите? Попало в ногу, а кровь идёт изо рта. - Франсуаза чуть не плакала. - Его в клинику нужно срочно. Он тут погибнет. Я бы могла...

- Я вас никуда не отпущу! - испугался Олег. - Вы что?! Его сейчас унесут за оцепление. Видите, как тут много раненых? - Он указал пальцем под кусты.

Там лежал какой-то старик-одуванчик, которого «угостили» в обе ноги и в руку. Зачем он сюда притащился, было неясно. Рядом корчился подросток, прижимая обе руки к низу живота. На его тощей шее висела иконка. Были и другие, конечно, но Олег в дыму почти их не видел.

– Давайте сами выбирать – мы ведь не месии. Зря всё-таки в обход не пошли. Попробуем через стадион – я знаю дырку. Может быть, хоть его стенами прикроемся...

– Давайте! – сразу же согласилась Франсуаза. Она поняла, что бессильна против огня и свинца.

Своего нового знакомого, респектабельного мужчину лет тридцати пяти, грязного и усталого, но явно зажиточного, французская журналистка уже считала своим другом.

– Вот, пожалуйста в кусты. Осторожнее, как бы ни на что взрывчатое не наступить... А вот и дырка! – Величко раздвинул ветки.

На стадионе действительно было спокойнее, и Величко достал сигареты. Он предложил сначала Франсуазе, но та с извинениями отказалась.

– Да, Олег, раньше я много курила. Но, когда ждала детей, бросила. И с тех пор не втянулась...

– Ваш бы пример – да моей жене! Я уже бояться начинаю...

Величко замолчал и прислушался. Он сделала Франсуазе знак не двигаться, приподнялся и выглянул из-за куста. Вдоль забора – кто с автоматом, кто со снайперской винтовкой – устроились военные, солдаты и офицеры вперемешку.

Один из них, вцепившись в рацию, повторял:

– Раненых надо вынести, очень много раненых... Да, и наших, и ихних. Давайте скорее, мать вашу... Ещё один, блин! Снайпера бьют, гады...

– Козлы! Скольких уже убили да покалечили! – выругался штатский мужичок. Он увидел Олега и заулыбался: – Вы из Дома Советов?

– Да нет, хотя и сочувствую. Вы – ребята крепкие. – Величко немного подумал. – Помочь вам с ранеными?

– Солдатики обещали подсобить...

Мужичок тряс свою кепку, стуча ею то о забор, то и ветки кустов. От кепки во все стороны летели склизкие желтоватые комочки. Поймав взгляд Величко, мужичок помрачнел.

– Другану моему в голову вмазали. Сразу наповал. А я хочу себе на память взять. В Афганистане выжил, а здесь...

– Да, кто вы такой, собственно? – Капитан вышел из эфира. Поморгав воспалёнными глазами, он занялся Олегом. – Откуда здесь взялись? Разве не видите, что творится?

Капитан сразу же определил, что Величко не из защитников; это было уже хорошо.

– Я всё вижу, но со мной сейчас женщина, журналистка из Франции. Её надо вывести из-под огня. Я очень прошу вас помочь.

Дикий грохот «Шилок» и танков на какое-то время сделал голос капитана неслышным. Франсуаза появилась в кустах, как прекрасное видение, и подошла к солдатам. Те перестали материться и застеснялись.

– Кто вы? – Капитан протёр глаза кулаком. – Вас нужно вывести? Вы говорите по-русски?

– Лучше нас с вами, – заверил Олег.

Франсуаза обворожительно улыбнулась:

– Месье, конечно, преувеличивает... Помогите нам выйти вместе, капитан.

– С ранеными бы управиться! – неожиданно зло произнёс мужик в кепке. – Французы, небось, сейчас вместе с «CNN» на весь мир брешут, как наш «Жёлтый Геббельс». Бэтээр тут ездил две недели, крашенный. Через усилитель ельцинские указы передавал. Всем спать мешал. Мы уже полоумные сделались. Так что пускай французы сами свою мадам вызволяют, а у нас и так забот полно. Люди вон умирают...

– Мы вам дадим провожатых – двух человек. Они выведут на Конюшковскую. А дальше – до метро. Здесь ближе всего «Краснопресненская». – Капитан отвернулся и сказал что-то рации. – У нас действительно много тяжёлых. Каждый миг дорог...

У этого вояки было грязное, заросшее, но совсем не злое лицо. Величко только кивал, понимая, что всем не до них.

– Сейчас чуть стихнет, и тогда пойдёте.

– А отсюда на Новый Арбат никак? – безнадежно спросил Величко.

– Ну, мужик, ты же видишь! – Капитан пожал плечами. – Я лично не советую.

– Но там люди на крышах сидят! – Франсуаза прищурила свои восхитительные глаза цвета спелого каштана. – И так много, а никто не удаляет. Могут быть ещё жертвы!

– Зеваки – они зеваки и есть. Дерьма не жалко. А вот за вас я боюсь...

Капитан махнул своим солдатам, раздвинув два пальца. Тут же двое солдатиков резко подбежали к командиру.

– Старикевич, Степанов, возьмите этих людей и проводите до Конюшковской. Обеспечьте прикрытие, насколько это возможно...

– Вот вроде нормальные ребята! – Мужичок смотрел на козыряющих солдатиков. – И не подумаешь, что убийцы. Зачем по своим лупите? А? Не боязно? В Бога-то верите? А если бы там ваши отцы и матери сидели? И вы бы их вот так – прямой наводкой?...

– Да мы не стреляли ещё. Так, просто в воздух! – Старикевич покраснел, как свёкла. – У нас ведь приказ.

– И «дембель» раньше обещали, – добавил веснушчатый Степанов. – Моя мать в Костроме. Мы никого не убьём, что вы, папаша! Без нас найдутся наёмники...

– Всё, кончайте! – гаркнул капитан. – Выполняйте приказ...

Он отвернулся, но в это время по стадиону ударили сразу с двух сторон – от Парламента и троллейбусного кольца. Пули засвистели, врезаясь в траву, в беговые дорожки. Во все стороны полетели состриженные ветки, посыпались листья. Люди разом грохнулись на землю. Степанов прижал к кочкам головы Франсуазы и Олега.

– Давайте вон там, между трибунами и забором. Вроде, есть пролом. Наверное, сумеете втиснуться. – Парень опять хотел выразиться, но при даме не стал. – И ползите, не поднимайте головы, тут всё уже огнём накрыли. За машины прячьтесь, если что. Только вот бензобак рвануть может...

– Постараемся. – Олег посмотрел на перепуганных ребят. – Идите обратно. Всё равно не прикроете – только сами погибнете. После дембеля матерям привет от нас передайте.

– Спасибо! – Солдатики смутились окончательно и нырнули обратно в дырку. Старикевич вдруг высунулся опять: – Счастливо вам добраться! Тут уже недалеко.

– Да знаю я, знаю, где метро. Только бы открыто было...

Некоторое время Величко и его спутнице пришлось просидеть за серой «Волгой», изрядно поцарапанной пулями. Олег никак не мог забыть тот взрыв в стороне дома Доби́на, и очень переживал.

– Грустно... Я не знаю, что буду делать, если друг погиб. Такого ведь и не найдёшь больше...

– Он тоже изучал экономику? – Франсуаза из-под колёс машины следила за тем, как пули чиркают по асфальту, вышибая крошку.

– Нет, он химик. Гений, представляете? И отличный музыкант. Я мог бы потом рассказать...

Несколько крупнокалиберных пуль прошили «Волгу» насквозь и вонзились в землю у голов Олега и Франсуазы – прямо между ними.

– А я решила, что мы укрылись надёжно, – разочарованно заметила молодая женщина. – Тогда давайте бежать. Понадеемся на судьбу!

– А что ещё делать? Будем потихоньку продвигаться за кустами, – решил Олег. – Вот когда на открытое место выйдем, придётся бежать. На наш русский «авось»...

– На авось – согласна! – Франсуаза улыбнулась и пропала в кустах.

Величко вдруг почудилось, что сейчас всё кончится. Он нырнул вслед за своей очаровательной спутницей, вернее, за боевым товарищем. В это время мимо пронёсся ещё один БТР, поливая огнём кусты, забор стадиона, дома через улицу напротив, зазевавшихся солдат. На том месте, где только что лежали Олег с Франсуазой, асфальт зиял выбоинами. Шансов у них не было бы никаких. Неподалёку стоял густой мат – там перевязывали двух новых раненых.

– Бешеный! – Величко яростно продирался к Франсуазе. Ветки кустов цеплялись за его плащ и галстук.

– Я здесь.

Француженка широко раскрытыми глазами смотрела, как тает оставленное БТРом облачко смога. От тяжёлой, осенней жары пот струился по их грязным лицам.

– Подождите немного, Олег. Один момент...

– Вы ранены? – испугался Величко.

– О, нет, нет! Я просто хотела вам сказать...

Послышалась канонада авиационных скорострельных пушек тридцатого калибра. Олег знал все модели военной техники не только потому, что ездил на сборы. Пришлось вызубрить, чтобы не ударить в грязь лицом перед сыном. Сам Величко никогда особо войной не бредил. Но вот у ребёнка дед был контр-адмиралом, подводником. А прадед – морским боевым лётчиком. Его ныне здравствующая вдова оперировала раненых в палатке, под обстрелом. Да и по другой линии одни герои, да ещё высокого происхождения. И все воевали, где только могли – кто в охране русских царей, а кто, наоборот, против них.

Кровь в мальце кипит. И Олег должен эту страсть удовлетворять, раз назвался его отцом. Сейчас бы сына сюда, не дай Бог, конечно. Вот бы интересно ему было!..

– И что вы хотите мне сказать? – вспомнил Олег.

Он понимал, что не может двигаться – даже за кустами вдоль стены. Его светлый плащ привлекал внимание стреляющих. При попытке пошевелиться начинался шквальный огонь.

– Откуда стреляют, Олег? Ведь сверху?

– С американского посольства или с гостиницы «Мир». Но это только слухи. Сам я ничего не знаю.

Величко решил хотя бы перекурить. Он уже потерял страх, притупил бдительность, и просто наблюдал, как рикошетят пули от стен и асфальта, рюют землю, впиваются в стволы деревьев.

– Если кто-нибудь из нас не дойдёт, не выживет...

Франсуаза обхватила руками колени и повернулась к Олегу. Тот хотел возразить, но губы пересохли, и язык прилип к дёснам.

– Прежде чем выбираться из укрытия, я должна быть уверена. У меня есть двое родных детей – Жюль и Мари, по-польски – Юлек и Маня. Им по восемь месяцев.

– Ничего себе! И вы работаете в «горячих точках»? – Франсуаза снова потрясла своего, казалось бы, искушённого спутника.

– Они с мамой в Версале, в нашем доме. И ещё у меня есть дети от предыдущего брака моего мужа. Эти живут в Петербурге. Тоже двое – сын и дочка. Я всех их очень люблю.

– Я что-то не совсем разобрался... Ваш муж – защитник «Белого Дома»? Он ведь не француз, как я понял?

– Он – поляк, его имя Анджей Озирский. Но родился он в России, всю жизнь прожил там. Раньше был полицейским, а сейчас не у дел. – Франсуаза говорила это на ухо Олегу, шелестящим шёпотом. – Он может погибнуть сегодня. Я знаю его характер – он живым не сдастся. Или вырвется с боем, или пропадёт там. Я не прошу заботиться о детях, нет. Просто расскажите, если что... Да?

Франсуаза улыбнулась, сверкнув жемчужными зубками. Олег никак не мог понять, свои это или коронки.

– Будем надеяться на лучшее, – решил Олег. – Давайте поспешим – всё равно лучше не станет. Скорее, наоборот – в конце концов, нас пристрелят. А там, ближе к метро, – спецназ, броня. Может быть, ненадолго прикроют. Если выскочим из «котла», значит, будем жить.

– Да-да, Олег, вы мне тоже скажите! Не обижайтесь только. Ведь мы своей судьбы не знаем.

Франсуаза быстро, но ласково поцеловала Величко в мокрый грязный лоб. Олег был приятно удивлён, но ответить тем же не решился.

– Вы говорили, у вас есть жена? Как её имя?

– Татьяна, Таня.

Олег только что вспомнил о супруге. Интересно, волнуется она или нет? Может, даже и не вспомнила ни разу про главу семьи. Куда он денется, постылый?

– О, какое знаменитое имя! Как у Пушкина... – Франсуаза даже хлопнула в ладоши. – А дети есть?

Боевая машина пехоты опять ударила «Громом», и их почти оглушило. Должно быть, военная техника стояла совсем рядом. Величко зажал пальцами уши, поморщился и сплюнул кровь. Наверное, прокусил губу или язык. Франсуаза и не подозревала, какую болезненную струну она рвала в душе Олега, и потому ждала ответа.

Сейчас нужно было вырваться за оцепление, ежесекундно играя в рулетку. Олег подумал, что Франсуаза подала неплохую идею. Если с одним из них случится несчастье, другой известит семью. Если, конечно, сумеет найти...

– У нас есть сын. Ему в декабре будет восемь лет. Сейчас, наверное, гуляет во дворе, на Ленинградке.

– А как его зовут? – заинтересовалась Франсуаза.

– У него красивое былинное имя... – задумчиво произнёс Величко.

И потом, прежде чем рвануть на открытое пространство, заглянул Франсуазе прямо в глаза.

– Если мне не повезёт, найдите Руслана. И скажите, что я очень его любил.

* * *

Здесь, на пятом этаже, ничего не было известно о пожаре, пожиравшем здание сверху. Дворец превратился в гигантский факел, а Андрей Озирский не мог понять, почему перламутрово-голубое небо то и дело заволакивает чёрным дымом, словно траурной вуалью.

Снаряды разрывались пока где-то наверху. Но постепенно грохот становился невыносимым для человеческих ушей. Андрей, закуривая сигарету из пачки «Мальборо», подумал, что она, возможно, станет последней. Отсюда вряд ли удастся уйти живым и свободным, а на другое Озирский не согласен.

Уже понятно, что они проиграли. Теперь надо думать, как уйти отсюда, сохранив лицо и здоровье. Сдаваться нельзя ни в коем случае – скорее всего, не доведут даже до тюрьмы, а прикончат где-нибудь за углом. Сейчас надо собрать у ребят оружие, патроны, и отправить их вон из здания – скорее всего, по подземным коммуникациям. А самому, наверное, следует подняться в «стакан» и дорого продать там свою жизнь. Может быть, составит компанию Ромка Брагин, кто-то ещё.

Да, почти у всех дети, жёны. У самого Андрея их, маленьких, пятеро. У Романа – трое. Кажется, холостых в группе вообще нет. Кроме того, есть ведь матери, отцы, другие родственники. Они – не детдомовцы, по которым некому плакать, и тем тяжелее жертва.

Лучшего конца для себя Озирский не желал. Хорошо, что дожил до этого дня. Он умрёт на последнем рубеже, как мечтал когда-то, в сотый раз прибежав в кино на фильм про войну. Тогда и во сне не могло присниться, что подобное ещё будет возможно. В катастрофе, от пули или ножа, от старых ран или от инфаркта; в своей или в больничной постели... Но не так! Цыганка Ливия в Приднестровье предсказала судьбу иначе. Но даже самые одарённые гадалки в одном случае из ста ошибаются...

Надо решить вопрос о дальнейших действиях – исключительно коллегиально. Более того, пусть выскажутся все, кто хочет. Андрей не боялся ответственности. Он просто считал, что выбирать между жизнью и смертью каждый член его группы должен лично.

Роман Брагин подошёл неслышно. Вокруг грохотало, как в аду, и потому даже прикурить он попросил жестом.

Наклонившись со своей «Беломориной» к зажигалке Андрея, он просипел:

– Таманцы, блин, бьют прямой наводкой по «стакану», и кантемировцы[10 - КАНТЕМИРОВЦЫ, ТАМАНЦЫ – военнослужащие Кантемировской и Таманской дивизий. Принимали участие в октябрьских событиях 1993 года на стороне Б. Н. Ельцина.] тоже. Скоро, чую, на штурм пойдут. Нам не удержаться. – Брагин присел на корточки посреди ковровой дорожки. Он сорвал голос, когда командовал их группой, и теперь чувствовал себя неловко. Чтобы не тратить время зря, Брагин вытащил пистолет, патроны, и стал набивать обойму.

– По «тонне» баксов танкистам за каждый выстрел платят, – продолжал он. – И квартиры московские обещают.

– Я знаю. – Озирский внимательно осмотрел свой отряд.

Все ребята носили одинаковую камуфляжную форму и чёрные береты с нашивками. За эти дни группа успела уже не один раз отличиться, и считалась здесь самой результативной, боеспособной. Потому им и доверили охранять пятый, самый важный этаж. Тут размещалось так называемое «председательское крыло».

– Ромыч, слушок прошёл, что не болванками, а вакуумными стреляют...

– Да какими болванками! – Брагин вставил выразительную, но нецензурную фразу. – Горит всю, как факел. А дом-то каменный, да ещё замороженный насквозь, электричество отключено. Чтобы поджечь, сильно постараться надо, – сощуриль стальные глаза, шёпотом говорил Брагин. – От болванки, блин, и изба не загорится.

– Ромыч, вызывай ребят, – распорядился Андрей. – Совет держать будем.

– Есть!

Брагин, с прилипшим к губе окурком, щёлкнул в темноте кнопками. Услышав его сорванный голос, ребята бросились со всех этажей, понимая, что командир зря отвлекать их не станет.

Пока ребята собирались на «летучку», Роман шарил в эфире; он ежеминутно старался узнать какие-либо новости.

– Восемьсот восьмой, я восемьсот первый! – донеслось сквозь помехи и выстрелы. – К вам идёт помощь. Держитесь. Не давайте пройти на этажи...

– Ромыч, выключи. Никакой помощи нет. Радиоигры, – махнул рукой Андрей. – Нам надо сейчас решить, что будем делать после капитуляции...

– Капитулировать решил?... – не поверил своим ушам «дельфин», приднестровец Кондрат Мунтяну. – Вот уж не ожидал именно от тебя!.. Чтобы Озирский поддался панике...

– Да какая паника? – устало перебил Андрей. – Может, я, конечно, не гений, но и не идиот. Факт, что Дом падёт – не сейчас, так к вечеру. Армия выступила на стороне отрешённого от власти Президента. Поскольку министра обороны отстранили тоже, он сейчас пошёл ва-банк, бок о бок со своим Главнокомандующим. А, значит, наше дело с этой минуты проиграно. В противном случае мы могли бы на что-то надеяться. Именно от позиции Вооружённых Сил, в конечном счёте, зависит победа или поражение любого восстания. Нам с вами выпала горькая доля, ребята...

– И что ты предлагаешь? – Мунтяну немного сбавил тон.

– Предлагаю всем вам уходить отсюда – любыми доступными путями. Надо, конечно, получить разрешение нашего командования. Всё же мы – не банда, а подразделение в составе вооружённых сил Верховного Совета.

– Какого именно командования? – допытывался Кондрат.

– Руцкого[11 - РУЦКОЙ – Руцкой Александр Владимирович (1947). Военный лётчик, «афганец». Герой Советского Союза, генерал-майор. Избран вице-президентом России в тандеме с Б. Н. Ельциным (июнь 1991 года). С 1992 года перешёл в оппозицию, не поддержав политику «шоковой терапии» Гайдара. В сентябре 1993 года, после отрешения Ельцина от власти Съездом народных депутатов вступил в должность Президента. После падения Дома Советов арестован. Амнистирован на стадии следствия постановлением Государственной думы РФ в феврале 1994 года.] или хотя бы Ачалова[12 - АЧАЛОВ – Ачалов Владислав Андреевич (1945), генерал-полковник, министр обороны в правительстве Руцкого. Арестован после подавления восстания в Москве. Амнистирован постановлением Государственной Думы вместе с остальными участниками событий 23 февраля 1994 года.], – чётко ответил Озирский. – Тогда мы свободны.

– А ты? – Леонид Ерохин, как и Брагин, бывший рижский омоновец, снял берет и вытер им лицо. В коридоре было очень жарко – огонь с верхних этажей спускался вниз.

– А я ещё подумаю, – прищурился Андрей. – Остаться здесь – стопроцентная смерть или арест с неясными последствиями. Побег с поля боя – трусость. В то же время, бессмысленная кончина меня тоже не прельщает. Мы ведь уйдём не для того, чтобы отсиживаться по углам. Глядишь, и какое-нибудь дело найдётся. Не так здесь много по-настоящему боеспособных ребят, чтобы глупо жертвовать ими... – Озирский, уже по своей инициативе, опять включил рацию.

«Я сам – офицер! – донеслось оттуда. – Мы все давали присягу на верность Родине и Конституции. Кого вы защищаете?...»

– Там же по тыще гринов[13 - ГРИНЫ – доллары (жарг.)] за выстрел! – с болью сказал Ерохин. – Какая им присяга? Зачем воздух сотрясать? Об одном жалею – нельзя пристрелить хоть одного такого иуду! – Он сидел на полу, обхватив руками колени. Потом поднял голову: – Андрей, это не трусость... Надо уходить. Мы ещё на воле повоюем. Что здесь без толку пропадать? Вдруг где-то живыми пригодимся? Ну, отступим, допустим. Так не всё время же наступать!

– Да мы третий год отступаем! – Озирский с силой выдохнул дым. – Пора бы уже в контратаку переходить, да всё не получается. И ясно, почему. Мало нас, мужики, хотя народу в брюках много. В том числе и в форменных. Да и большинство народа нас бандитами считает, а не тех, кто закон нарушил. Им так по телевизору сказали...

«Офицеры, не стреляйте против собственного народа. Нам не дают вынести раненых, спасти женщин и детей, которые погибают. Я прошу вас прекратить огонь...»

– Это уже не офицеры, а паханы, – просипел Брагин. – Да и с теми, скорее всего, можно договориться...

– Итак, ребята, мне нужна полная свобода действий, – продолжал Озирский. – Те, кто не входит в нашу группу, пусть распоряжаются своей судьбой сами. Впрочем, гнать их мы тоже не будем, но в таком случае потребуем безоговорочного подчинения. Кстати, Лёня, ты прав, – Озирский взглянул на Ерохина. – Такие, как мы, на улице не валяются. И жизнь сегодняшним днём не кончается – надо думать о будущем.

– Слушай, Андрей, Ксюху надо найти! – вспомнил Брагин. – И Октябрину Михайловну тоже. Я их в столовой видел, на двенадцатом этаже...

– Когда? – нахмурился Андрей, который начисто забыл о буфетчице и её дочке-горничной.

– Час назад примерно. Они там хлеб резали. Ребятам подносят, которые на позициях. Если будем уходить, надо и их забрать обязательно. Детишки ведь дома ждут, одни! – на глазах всегда brutального Романа выступили слёзы.

– Тогда идёмте к Палате национальностей – там сейчас всё руководство. Может быть, с ними вместе решим, как поступить. Надеюсь, нам поверят, что мы не бежим, а уходим – чтобы вернуться. Лёня, я, конечно, пень. А ты умный, за что и хвалю. Никаких эффектных жертв! Этим мы никому и ничего не докажем.

Озирский перекинул через плечо ремень АКСУ[14 - АКСУ – автомат Калашникова (укороченный)] и быстро пошёл по узкому тёмному коридору. На грохот взрывов он уже не обращал внимания и не видел людей, забивших этот, сравнительно безопасный, коридор.

– Надрывать глотки по рациям – пустое дело, – продолжал Андрей, оглядываясь на своих подчинённых. Их измученные лица плавали в едком, уже густом, дыму. – Мы для этих, простите, офицеров – враги, которых нужно уничтожить за щедрую награду. Или даже волки, окружённые флажками. Государство в лице Президента сняло с них ответственность за любые злодеяния. Они знают, что будут в почёте, если сейчас помогут путчистам. А мы имеем дело именно с путчистами. Ни Президент, ни силовые министры таковыми уже не являются. Они потеряли власть по решению Конституционного Суда, в полном соответствии с законом. И теперь хотят захватить её снова. Но для народа бандиты и мятежники – мы с вами. Обывателю удобнее думать именно так. Он всегда на стороне сильного. Но что спрашивать со штатских, если даже ни одна военная часть не выступила в защиту Конституции?

– Значит, уходим? – обрадовался Ерохин. – Поверь, я не трус, но умирать пока не хочу. И ладно бы – с толком, а так...

– У меня есть знакомый спелеолог, – сообщил Озирский. – А план коммуникации вчера принесла Оксана Бабенко. Где добыла его, не говорит. Но это и не важно.

Так что давайте по-быстрому готовиться. Ещё неизвестно, кого мы в тех туннелях встретим...

– Бросим своих? – Ещё один юноша, Серёжа Макаркин, с которым Андрей познакомился уже здесь, оторопел. – Я не думал, командир, что вы на такое решитесь! Я так верил вам, гордился вами! А вы предлагаете просто смазать пятки... Как будто мы испугались всех этих козлов с бэтээров и из танков, разных бандитов в кожаных куртках! Разве можно будет жить после такого позора? Как будто мы не русские, а...

– Баркашовских листовок[15 - БАРКАШОВСКИЕ ЛИСТОВКИ – Баркашов Александр Петрович (1953), глава праворадикальной организации «Русское национальное единство» (РНЕ). Принимал участие в описываемых событиях на стороне Верховного Совета. Арестован в декабре 1993 года, амнистирован в 1994 г.] начитался?

Скулы Андрея свело от гнева, и он сам удивился. Губы его сами собой раздвинулись, обнажив стиснутые зубы. Этот страшный оскал испугал даже видавших виды ребят.

– Или ты эту дрянь из мозгов выброси, или выходи из-под моего командования. Ты же прекрасно знаешь, что я не русский. И что? Сильно проигрываю? Ах, да, бессмысленно погибать не желаю!

– Командир, я о другом! – испугался Макаркин. – Я о чести. Мы бросаем тех, кто нам поверил. Мы покидаем Дом Советов, даже не пытаюсь хоть что-то предпринять для его защиты!

– И нечего сделать пытаться! Пусть лучше Ельцин с Грачёвым[16 - ЕЛЬЦИН С ГРАЧЁВЫМ – Ельцин (см. выше). Грачёв Павел Сергеевич (1948–2012) – генерал армии, «афганец», десантник. В 1993 году – министр обороны в правительстве Ельцина. После некоторых колебаний исполнил преступный приказ о расстреле «Белого Дома». Принял самое активное участие в подавлении выступлений против разгона Парламента.] вспомнят, что они русские, и не уничтожают своих! Из-за границы ушли, как побитые собаки, а здесь – вот какие молодцы! Кроме того, нам нужно спасти наших руководителей, – продолжал Андрей. – Им угрожает реальная опасность. Очень может быть, что их после взятия здания просто прикончит разъярённая толпа. Конечно, ею будут дирижировать куда

более высокие чины. Надо предупредить их, и предложить уйти с нами. Мы можем организовать охрану в пути, а потом спрятать их на конспиративных квартирах. Так что, Серёга, – повернулся Озирский к Макаркин, – чтобы я больше этой черносотенщины не слышал! Этим ты оскорбляешь остальных, кто находится сейчас в Доме и жертвует собой за Россию!

Оказавшись в довольно-таки просторном закутке, Озирский вытащил из кармана фонарик, включил его и сунул Брагину:

– Ромыч, посвети-ка!

Потом он достал шариковую ручку, рванул из записной книжки листок и быстро написал несколько слов. Немного подумал, и добавил ещё одно предложение.

– Порядок, гаси фонарь! – Андрей опять рассовал всё по карманам.

– Ты кому писал-то? – еле слышно просипел Брагин.

– О ком мы сейчас говорили? Им и писал. Попросил во всех случаях записку сжечь – огня тут навалом. Идёмте скорее!

Вся группа следовала за командиром в молчании. Среди дымного сумрака они не сразу разглядели другую компанию, шедшую навстречу. Андрей узнал их первым и, вытянувшись, поднёс руку к берету. Очень вовремя судьба свела его со спикером Парламента.

– Здравствуйте, здравствуйте! – Спикер был почему-то оживлён, даже весел. Вполне возможно, что таким образом он старался скрыть вполне понятное смятение чувств.

Андрей знал, что все они сильно сдали за эти две недели. Но особенно изменился этот невысокий, болезненно-худой, обильно поседевший человек. Он был в чёрном костюме и в чёрной же, белой полоской, рубашке, как будто заранее надел траур. В таком виде спикер казался живым воплощением их общей трагедии. Шестым чувством Озирский понял, что председатель Парламента уже приготовился к смерти, хотя ни слова не говорил об этом.

– Что будем делать? Как настроение?

– Не хотелось бы, конечно, дрейфить, но...

Озирский оглядел свиту Председателя и сунул записку темноволосому мужчине средних лет. Видимо, они с шефом были родственниками. Тот записку принял, никак не выразив своего отношения к поступку Андрея.

– К сожалению, всё развивается не так, как должно было бы быть. Армия не желает действовать согласно Конституции. А боевики Ерина[17 - ЕРИН – Ерин Виктор Фёдорович (1944). В 1993 году – министр внутренних дел. Активно поддержал действия Б. Н. Ельцина в сентябре-октябре 1993 года, за что был удостоен звезды Героя России. Его подчинённые отличались особой жестокостью при подавлении восстания.] готовы всех расстрелять. Надежды на победу защитников Конституции практически нет. Может быть, подумать, как вам незаметно уйти из здания Верховного Совета?

– Мы будем до последнего верны и Вам, и Президенту Руцкому. Но это не значит, что бы просто бессмысленно погибнем...

Андрей оглядел своих ребят и залюбовался ими. Нет, таким погибать грех. Если бы и руководство Сопrotивления согласилось уйти! Андрей задействовал бы конспиративные квартиры, мобилизовал всю московскую агентуру. Но почему-то казалось, что согласия на это не будет.

– Вас уже дважды хотели ликвидировать – второго числа и третьего. Но мы, на счастье, помешали. С вами хотят жестоко расправиться после того, как займут Дом. Вы не должны попадаться им в руки. Я не знаю, что это будет – расстрел или самосуд. В любом случае, лично вам и другим руководителям нужно немедленно скрыться. Только не надо ни в чём себя винить...

У Андрея сильно защипали под веками – то ли от дыма, то ли от слёз. Ведь разговаривали они со спикером, конечно же, в последний раз. Но и этой малости хватило, чтобы составить мнение о человеке. В стрессовых условиях характеры раскрывались сразу, и всё наносное моментально сползло с человеческих душ. Жертвенных людей Озирский ценил всегда. Ему было, что вспомнить, с чем сравнивать. И потом, он всегда судил придирчиво. Внимательно наблюдал, не садится ли у человека голос, не трясутся ли руки, не пульсируют ли зрачки.

Здесь всё было в порядке, и Озирский про себя удивился. Вряд ли спикер занимался чекистским тренингом, как сам Андрей. Впрочем, он принадлежал к народу, который слишком много страдал. И, стало быть, умел принимать удары судьбы достойно, как подобает мужчине. И пусть это – штатский человек, профессор, всё равно – он выглядит несравненно лучше всех генералов с обеих сторон, которые были слишком уж эмоциональны.

– Не изводите себя мыслями о том, что в чём-то виноваты. Что не нашли верного выхода из положения. Я не имею привычки льстить. Теперь здесь больше нет ни должностей, ни субординации. И хочу вам сказать несколько слов, потому неизвестно, чем кончится дело.

Андрей про себя подумал, что нужно послать кого-то из ребят за ответом на поданную записку. И сделать это нужно поскорее. Судя по грохоту внизу, штурмующие части уже прорвались на первый этаж. Сверху же наступает их союзник – огонь.

– Вы – не военный. Вы – политик. Надо сказать, знающий политик. Вы и ваши депутаты, при всех к ним претензиях сделали всё, что могли. Вы хотели предотвратить этот переворот, по возможности, подавить его. У вас за последнее время не было ошибок. Все грехи остались в девяносто первом году. Теперь вы очистились огнём, искупили свою вину. Я знаю, как тяжело вы переживали исход референдума двадцать пятого апреля. Вы тогда надеялись на здравый смысл нашего народа. Я тоже на него надеялся. Видимо, та драма имела в основе какие-то особые черты чисто русского этноса. Ни мне, поляку, ни вам, чеченцу, понять это не дано. Чтобы ни случилось сегодня и после, я буду гордиться знакомством с вами – на том и этом свете. Более жуткой и одновременно светлой минуты в моей жизни ещё не было...

Остальные стояли в проходе молча, прислушиваясь к разговору. Слова сопровождалось свистом, громыханием и приближающимся треском пожара.

Карие глаза спикера сейчас казались чёрными – может быть, потому, что его лицо словно залили гипсом. Такого безмолвного, загнанного вглубь отчаяния, Озирскому ещё не приходилось видеть. Впрочем, нет, он видел... И слышал сейчас мелодичный голос Сальмы Эфендиевой, кстати, внешне очень похожей на нынешнего собеседника. Видимо, они приходились друг другу родней.

«Всё должно быть внутри. Даже если убивают твоего ребёнка, надо стоять с каменным лицом...»

– Если мы терпим поражение, значит, я не сделал всего, чтобы не допустить поражения...

Бойцы Андрея расступились, и несколько секунд смотрели вслед ушедшим. Их командир с трудом отнял руку от берета. Всё время разговора он стоял навытяжку, как в Почётном карауле.

– Серёга! – Озирский нашёл глазами Макаркина и выразительно откашлялся. – И кто ещё здесь есть патриоты... Ещё раз – никакого нацизма я не потерплю! На братских могилах крестов не ставят.

– Ты это чего? – даже испугался Брагин. – Мы не стадо, чтобы гуртом в землю идти!

– Ромыч, я о другом. Я о том, что учение Пророка Мохаммада, да пребудет с Ним мир, есть высшее озарение. Настоящих мужчин, похоже, можно воспитать только по Корану. Да и женщины у них замечательные! – Озирский немного помолчал. – Так, теперь другое. Мы с Ромычем отправляемся на поиски Оксаны Бабенко и её матери. Леонид, Кондрат, Мирослав... Впрочем, и остальные могут помочь... Вам нужно обязательно встретиться с тем, кому я отдал записку. Встреча у председательского крыла здания. Он должен сообщить ответ.

– Ты что, их вывести и спрятать надумал? Президента и спикера? Или ещё кого-нибудь? – Мирослав Компанийц из Тирасполя, которого Андрей знал уже полтора года, смотрел недоверчиво, рассеянно. – А если согласятся, сможешь?...

– Так затараканю, что все ахнут. Жилплощадь есть, первые люди – тоже. Только вряд ли они на это пойдут. – Озирский сверился с часами. – Не знаю, сколько ещё продержится Дом. Скорее всего, до вечера. За это время нам нужно решить ещё много вопросов. Ромыч, за мной! Остальным делать то, что я сказал. По получении ответа ищите нас у Октябрины Михайловны в подсобке. Перед тем, как уходить, мы туда заглянем. Мне бы ещё вас в Тирасполь отправить! Если повезёт, конечно. Ромыч, дай мне твоих папирос покурить?

Брагин немедленно достал пачку «Беломора». До сегодняшнего дня Озирский эту дрянь не признавал.

– Ждите меня, помогайте тем, кто попросит. Но головами особенно не рискуйте – чай, не капуста.

– Есть! – вразнобой отозвались ребята. – Возвращайся целым, командир. Ром, береги его.

– Сберегу! – твёрдо пообещал Брагин.

Он всегда ходил за Озирским след в след. Так Роман пошёл и сейчас – готовый в любую минуту, особенно при проходе мимо разбитых окон, повалить Андрея на пол, прикрыть собой от снайперских и пулемётных «гостинцев». Кое-кто ещё пытался орать в мегафоны о миролюбии и Конституции. Отвечали им, чаще всего, выстрелами. Среди стекол, извести и пластиковых мятых бутылок валялись окровавленные бинты, одноразовые шприцы и тампоны.

– Андрей, Роман! Господи, да где же вы?!

Рыжая пышноволосая девчонка с модельной фигурой вылетела из-за угла и вцепилась холодными жёсткими пальцами им в рукава. На девчонке даже «камуфляжка» выглядела, как купальник из змеиной кожи.

– Говорят, войска и омонцы уже через несколько подъездов прорвались. И там, в холле, бой идёт! Как клево, что я вас встретила. Мне маму найти надо. Она в «стакане», в столовой...

– Ксюха, мы вас и ищем! – Брагин встряхнул девчонку за плечи. Сейчас он был больше всего похож на ресторанного «гоблина», успокаивающего пьяную красотку. И без того мощная челюсть булыжником торчала вперёд. Озирскому даже стало не по себе.

– Не ори – некогда. Быстро идём, ищем Октябрину Михайловну, а потом решаем, что делать...

Роман с Андреем договорились – Оксане об отступлении ничего не говорить, иначе выцарапает глаза. Лучше воздействовать на неё через мать – единственного человека, которого Оксана Бабенко безропотно слушалась. С Октябриной будет проще – ей не до высоких материй. В квартире на Звенигородском шоссе мать и старшую сестру ждали ещё трое ребят. И сердце Октябрины, естественно, рвалось к своим кровинкам через все кордоны. Если она захочет уйти отсюда, уведёт и дочку.

– Откуда про прорыв знаешь? – словно между прочим, спросил Озирский.

– Мы с мамой в Палате национальностей сидели, а потом нас попросили помочь. Ребята какие-то, в форме, незнакомые...

Оксана так и не выпускала их рукавов. Болотные, влажные, манящие глаза её вдруг начали дёргаться, выпячиваться, закатываться под лоб.

– Ой, что я видела! Честное слово, не вру...

– Что ты видела?

Озирский инстинктивно пригнулся при каждом разрыве, сотрясающем стены Дома. Оксану била дрожь. Она пыталась вытереть свои пальцы когда-то влажной, а теперь просто грязной салфеткой.

– В мужском туалете трупы лежат. Там крови – по щиколотку! Все цивильные, в гражданском. Вроде, говорили, что там были раненые. Наверное, всех взяли и добились уже. Им пленные не нужны – сами говорили...

– А как ты в мужской туалет попала? – усмехнулся Андрей, чтобы снять напряжение. – Ай, нехорошо!

– Меня позвали помочь, я и пошла. Там валяются руки и ноги за перегородками. Говорят, взрывами оторвало... – Оксана заплакала, прижимаясь к Озирскому. – Их класть уже некуда. А машины не выпускают, обстреливают. На первом этаже большой медпункт был. Я там сестричкам помогала капельницы ставить. И на третьем этаже – тоже...

– Все, все спускайтесь в подвал! – закричал в мегафон удалой казачок, одним своим видом вызывающий приступ истерического хохота.

Андрей не знал, как его звать. Помнил только, что вчера казачок усердно молился в парламентской часовне. А рядом стояли Оксана с Октябриной Михайловной и тоже просили Бога о помощи – своей семье и всем осаждённым в Доме.

– По верхним этажам бьют кумулятивными! Все тикайте, слышите? Из наших только пятеро осталось, мы – уральские. Полторы сотни было, а осталось пять всего...

Андрей не стал уточнять, убили остальных, и они просто разбежались – от греха подальше. Куда больше его потрясло сообщение о кумулятивных снарядах.

– Бронебойными, что ли? Точно? – Озирский не верил своим ушам.

– Ну! Мне сейчас сказали. Раненого оттуда принесли. А нам стрелять нельзя – можем в толпу у танков попасть. Так и помираем – задарма. Оксана! – Казачок, оказывается, отлично знал младшую Бабенко. – Мать твоя в столовой, на двенадцатом этаже. Я звал вниз – не идёт. Говорит, что ребят надо покормить. Я ей толкую что страшные снаряды рвутся, а она не верит. Говорит, раз до полудня дожила, значит, счастливая. Ты ищешь её?

– Павлик, спасибо! – заулыбалась Оксана. – Да, ищу. Ребята, пойдёмте вместе...

Оксана отбросила за спину свои потрясающие медные кудри. Она стояла на ступеньке лестницы, как на подиуме. Андрей даже засмотрелся на эту красоту, позабыв об обстреле. У каждого восстания должна быть своя Жанна д'Арк. Исступлённая юная дева, полумрак, сигареты, фонарики, баррикады из мебели, грохот боя. Сюда бы художника... А зачем? Он сам всё нарисует, когда всё кончится. Выберет время...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

БМП – боевая машина пехоты.

2

ЕЛЬЦИН – Ельцин Борис Николаевич (1931–2007), во время описываемых событий – Президент России.

3

БТР – бронетранспортёр

4

БМД – боевая машина десанта

5

ГЕКАЧЕПИСТЫ – члены Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), которые в августе 1991 года попытались отстранить от власти тогдашнего Президента СССР М. С. Горбачёва и ввели в Москву войска. После провала так называемого «августовского путча» арестованы российскими властями. В 1994 году амнистированы. В то время т. н. «Белый Дом» был центром сопротивления действиям ГКЧП, который включал в себя практически всё высшее руководство Советского Союза.

6

ГАЙДАР – Гайдар Егор Тимурович (1956–2009), в 1991- 92 г.г. – исполняющий обязанности премьер-министра России. Проводил крайне болезненные и непопулярные среди населения реформы, называемые «шоковой терапией». Был отправлен в отставку на VП Съезде народных депутатов РФ в декабре 1992 года. В 1993 году активно выступил на стороне Б. Н. Ельцина против Парламента.

7

ЖМУРЫ – покойники (жарг.)

8

«АЛЬФА» – антитеррористическое спецподразделения КГБ СССР, впоследствии Министерства безопасности России. Сыграло важную роль в разрешении кризиса 1993 года, первым войдя в Дом Советов и предотвратив расправу с депутатами и многими рядовыми защитниками Конституции.

9

ДЕБОРА – пчела (др. – евр.)

10

КАНТЕМИРОВЦЫ, ТАМАНЦЫ – военнослужащие Кантемировской и Таманской дивизий. Принимали участие в октябрьских событиях 1993 года на стороне Б. Н. Ельцина.

11

РУЦКОЙ – Руцкой Александр Владимирович (1947). Военный лётчик, «афганец». Герой Советского Союза, генерал-майор. Избран вице-президентом России в тандеме с Б. Н. Ельциным (июнь 1991 года). С 1992 года перешёл в оппозицию, не поддержав политику «шоковой терапии» Гайдара. В сентябре 1993 года, после отрешения Ельцина от власти Съездом народных депутатов вступил в должность Президента. После падения Дома Советов арестован. Амнистирован на стадии следствия постановлением Государственной думы РФ в феврале 1994 года.

12

АЧАЛОВ – Ачалов Владислав Андреевич (1945), генерал-полковник, министр обороны в правительстве Руцкого. Арестован после подавления восстания в Москве. Амнистирован постановлением Государственной Думы вместе с остальными участниками событий 23 февраля 1994 года.

13

ГРИНЫ – доллары (жарг.)

14

АКСУ – автомат Калашникова (укороченный)

15

БАРКАШОВСКИЕ ЛИСТОВКИ – Баркашов Александр Петрович (1953), глава праворадикальной организации «Русское национальное единство» (РНЕ). Принимал участие в описываемых событиях на стороне Верховного Совета. Арестован в декабре 1993 года, амнистирован в 1994 г.

16

ЕЛЬЦИН С ГРАЧЁВЫМ – Ельцин (см. выше). Грачёв Павел Сергеевич (1948–2012) – генерал армии, «афганец», десантник. В 1993 году – министр обороны в правительстве Ельцина. После некоторых колебаний исполнил преступный приказ о расстреле «Белого Дома». Принял самое активное участие в подавлении выступлений против разгона Парламента.

17

ЕРИН – Ерин Виктор Фёдорович (1944). В 1993 году – министр внутренних дел. Активно поддержал действия Б. Н. Ельцина в сентябре-октябре 1993 года, за что был удостоен звезды Героя России. Его подчинённые отличались особой жестокостью при подавлении восстания.

Купити: https://tellnovel.com/tronina_inna/mertvaya-voda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)